

№3 HAS

Ш 19

Г. К. ШАМБА

ЭШЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ

«МЕДИЦИНЕРЕСА»
1980

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭШЕРА

Село Эшера (по-абхазски Ешыра) считается одним из самых больших населенных пунктов нынешнего Сухумского района. Оно расположено примерно в 10 км к западу от города Сухуми между реками Гумиста (по-абхазски Гумста) и Шыцкуара («Самшитовая речка»).

По данным физической географии Абхазии село Эшера относится к зоне холмистых предгорий, которые постепенно снижаясь переходят в низменную приморскую долину [146—а, с. 88, 89].

В известной нам литературе первое упоминание памятников старины села Эшера мы встречаем у французского путешественника первой половины XIX в. Фредерика Дюбуа де Монперэ, побывавшего в Абхазии в 1833 г. По его словам, «На берегах реки Гумиста в окрестностях селения Эшера, расположенного в восьми верстах от Сухума и четырех от моря, находится очень древняя церковь; все четыре стены ее хорошо сохранились, внутри она полна приношений — сабель, ружей и даже денег, к которым никто не прикасается. Абхазы еще.. чтут эту церковь, они приходят сюда.. при этом, согласно обычаю, часто приводят корову, для того, чтобы заколоть ее здесь... клятва, данная перед этой церковью, нерушима. Вблизи церкви бьет родник» [33, с. 131, 132]. Позже, в 80 годы, кавказовед П. С. Уварова, путешествуя по Абхазии, также посетила Эшера и в своих записках упоминает храм Абгырцых. По всей вероятности, — писала она, — это тот же храм, что видел Дюбуа [113, с. 106]. Спустя полвека — в 1930 г. в селе Верхняя Эшера, в поселке Кюр-Дере, недалеко от речки Шыцкуара М. М. Иващенко и Г. П. Барач обнаружили группу дольменов. Им удалось взять на учет свыше 15 дольменов, произвести обмеры и некоторые из них раскопать.

Фактически это были первые шаги по раскрытию тайн одного из выдающихся мегалических памятников древностей Абхазии. Отныне было установлено, что эти каменные сооружения, состоящие из четырех вертикально поставленных цельнолитых плит, и пятой, перекрывавшей их сверху, служили местом человеческих захоронений.

Тогда же в селе Нижняя Эшера выявлены три погребения, расположенные недалеко друг от друга в больших глиняных сосудах (урнах), получивших название «оссуарии» («костехранилище»). Там же открыт могильник эллинистического времени и синхронное ему поселение [148, 39, с. 16—18].

В изучении древностей села Эшера большую роль сыграла Абхазская археологическая экспедиция под руководством академика И. И. Мещанинова, функционировавшая в крае в 1934—1936 гг. Основным объектом исследования экспедиции являлось «Эшерское сельское общество». Экспедиция состояла из двух отрядов. Один из них занимался изучением проблематики «дородового общества», возглавляемой известным специалистом по каменному веку С. Н. Замятниным. В селе

Верхняя Эшера в ущелье реки Шыцкуара им удалось выявить селища нижнепалеолитических памятников типа ашель и мустье [38, с. 9]. Другой отряд, руководимый Б. А. Куфтиным, изучал памятники эпохи бронзы и античности. Было продолжено дальнейшее расширенное и углубленное изучение уже известных памятников (дольмены, кувшинные захоронения, остатки античного могильника и поселений [159, с. 5 и след.]).

Параллельно с этим в 1939 г. Эшерское городище посетили А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Позже было продолжено изучение дольменов в поселке Кюр-Дере. Результаты этих работ частично легли в основу обстоятельной статьи Б. А. Куфтина, вышедшей в 1940 г. [58, с. 8], а через год в капитальном исследовании, посвященном археологическим раскопкам в Триалети [58а, с. 23]. В 1946 г. было опубликовано исследование краеведа А. Л. Лукина, где дается перечень ряда коллекций, известных ему («Курган в селе Эшера»), инвентарь погребений в урнах, инвентарь дольменов, раскопанных в 1930 г. и т. д. Говоря о находках в Эшера, автор заключает, что «территория Эшера изобилует выразительным раскопанным инвентарем, представляющим почти все эпохи от палеолита, включительно средневековье» [70, с. 22, 23].

Таким образом, памятники села Эшера постепенно получали отражение в специальной литературе и по своему значению они, как вещественный источник, выходили далеко за рамки края, в особенности, когда шла речь о классификации археологических памятников в целом Западного Кавказа. Поэтому нетрудно догадаться о значении выхода в свет в 1949 г. очередной монографии Б. А. Куфтина, посвященной археологии Колхиды. Данный том почти весь посвящен раскопчным материалам из Эшера, от эпохи ранней бронзы, включительно античность. В этой книге на основании подъемного материала впервые в литературе появилось название «Эшерское городище» и датировано оно IV—III вв. до н. э. [59, 16]. Дело здесь не в формальном названии памятника. Вспомним, что в то время на территории городища не производились никакие раскопки, а стены башни и другие сооружения, которые характеризуют городище, оставались лежать в мощных культурных слоях. Делается также попытка датировать городище рамками IV—III вв. до н. э. Как ниже убедимся, предложенная дата Б. А. Куфтина не отвечает диапазону хронологии этого многослойного памятника, но нельзя не отметить, что автор уловил один из наиболее развитых периодов истории города — период эллинизма.

В 50-е годы древности Эшера вновь начинают привлекать к себе внимание специалистов. Так, в 1953 г. в местную 8-летнюю школу поступила значительная коллекция археологических материалов, обнаруженная при случайных обстоятельствах. Для исследования памятника Абхазский институт командировал туда известного краеведа А. Л. Лукина. Он изучает всю коллекцию. Рассматриваемый комплекс автор справедливо относит к жреческому погребальному инвентарю эпохи раннего железа [71, с. 126—147].

Через два года в том же селе Верхняя Эшера были возобновлены раскопки дольменов, осуществляемые археологической экспедицией Тбилисского Государственного Университета под руководством проф. О. М. Джапаридзе. Удалось раскопать группы дольменов и один из них был перенесен в Сухуми, где экспонируется во дворе Абхазского государственного музея.

Анализ новых дольменных материалов позволил сделать важное наблюдение, а именно: к самой ранней группе дольменов относятся

т. н. малые дольмены, которые датируются концом III тысяч. до н. э. [32, с. 98—103].

В 1960 г. выходит обстоятельный труд Л. Н. Соловьева, посвященный погребениям дольменной культуры Абхазии и сопредельных районов, где автор погребальный обряд в дольменах и многие другие сложные вопросы, связанные с происхождением этого вида мегалитической культуры, решает в основном на базе изучения эшерских мегалитов [104а, с. 75]. Дольмены и следующие за ними эшерские памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа нашли свое отражение в коллективной работе по истории Абхазии, вышедшей в 1960 г. [145, с. 11].

В 1961 г. в Сухуми вышел сборник «Памятники культуры Абхазской АССР», в который вошел целый ряд археологических памятников села Эшера, среди которых группа дольменов, остатки позднесредневековой крепости, церковь в поселке Абгырдзых («Шакалий родник»), крепостная ограда Уаз-Абаа («Крепость причитаний») и др. [146, с. 21].

В 1967 г. на территории Эшерского городища был произведен сбор подъемного материала, составлен схематический план памятника, а через год приступили к стационарным археологическим раскопкам [130, с. 18—20; 20, с. 103—120].

В первом году земляных работ удалось вскрыть часть оборонительной стены. а в 150 метрах к северо-востоку от городища выявлено богатое захоронение представителя местной знати, в чьих руках были сосредоточены функции военного предводителя и жреца [124, с. 98—251].

В феврале 1969 г. в двух км к западу от Эшерского городища в поселке Кутышха (по-абхазски «Куриная гора»), обнаружены кромлехи, раскопанные нами в течение 1969—1970 гг., [131, с. 359, 360]. В 1969 г. Ю. Н. Воронов создает археологическую карту Абхазии. В ней рассматриваются почти все имевшиеся археологические памятники в селе Эшера, а некоторые из них сопровождаются иллюстрациями. [21а, с. 50]. Одновременно шло продолжение раскопок городища, вскрыта Восточная башня (№ 3), с куртинами [134, с. 379, 380]. В том же году на холме Верещагина были исследованы несколько захоронений эпохи поздней бронзы и раннего железа, разрушенные во время террасирования западного склона холма. Среди обнаруженных вещей имеется литая бронзовая фигурка для привески, фигурка оленя, поясные пряжки, бусы и т. д. [118, с. 369, 370].

Тогда же в селе Верхняя Эшера зафиксированы новые памятники цебельдинской культуры; исследовано погребение, в инвентарь которого входили кувшинчики с чашечкообразной формой венчика, два железных наконечника копья, ножи и бронзовая фибула с прогнутой спинкой. [19, с. 377, 378; 31 а, с. 61, 62].

В 1971 г. в Сухуми и Тбилиси публикуются краткие сообщения о раскопках Эшерских кромлехов [128, с. 23, 24].

В 1974 г. была опубликована статья Н. А. Воронова, посвященная описанию и анализу подъемного материала из Эшерского городища, собранного в 1967 г. Наряду с многочисленными вопросами, поднятыми в статье, автор считает, что экономический подъем городища падает на вторую половину V в. до н. э. [20, с. 103—121].

В том же году нами были опубликовано исследование об Эшерских кромлехах, строительство которых отнесено нами к середине второго тысячелетия до н. э. На основании конкретного материала в работе показано, что кромлехи на протяжении нескольких столетий служили местом вторичного обряда захоронения людей, а иногда и животных, смерть которых, видимо, была связана с всевозможными атмо-

сферными явлениями (убийство громом и молнией и т. д.) [133]. А годом раньше, на городище впервые в археологии края удалось установить наличие раннеантичного слоя VI—V вв. до н. э., подтверждаемого такими находками как ионийская полосатая, черно-краснофигурная керамика и др. [132, с. 440, 441; с. 125, р. I]). В 1975 г. на южном участке городища была обнаружена часть монументального сооружения, уничтоженного в позднеэллинистическое время. Из развала этого помещения было извлечено около 14 обломков от бронзовой плиты с древнегреческими письменами (табл. LXXVI, 5).

В мае того же года в Ереване вышли тезисы нашего доклада, посвященных Эшерскому городищу и его окрестностей, где на основании археологического материала приходим к выводу, что городище являлось одним из ранних эмпориев древней Диоскурии, а в эллинистическое время продолжает оставаться частью последнего [135, с. 490, 491]. В том же 1976 г. в Тбилиси было издано краткое содержание археологических раскопок на Эшерском городище 1974 г. В нем идет речь о помещениях, оборонительной стене, разнообразном инвентаре (пифосы, амфоры, черепица, водопроводные трубы, монеты и т. д.), относящемся к городской жизни Эшера VI—I вв. до н. э. [136, с. 107—109].

Ниже рассматриваются некоторые археологические материалы из Эшерского городища и его окрестностей, добытые за последние годы.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГОРОДИЩА

Эшерское городище относится к числу значительных памятников Восточного Причерноморья, функционирование которого падает в основном на VI—I вв. до н. э. Оно расположено в 10 км к западу от нынешнего центра города Сухуми, на правобережье реки Гумиста. Хотя памятник был выявлен еще полвека тому назад [39, с. 66], но настоящие археологические работы на нем были начаты лишь в 1967 г*. За это время о раскопках на городище написано немало трудов [121—136; 20], но до сих пор не было сводной работы по интересующему нас памятнику.

Восполнению этой лакуны и посвящена предлагаемая ниже работа. Эшерское городище, площадью около 4 га, занимает один из прибрежных холмов села Нижняя Эшера Сухумского района, на расстоянии более одного км от берега моря и на 113 м выше его уровня. Западная сторона холма почти неприступна своим крутым склоном; с северо-востока памятник хорошо защищен глубоким оврагом. Наиболее уязвимым местом являлись южный и северный склоны холма. Жители этой местности брали воду по крайней мере из двух источников, расположенных на противоположных сторонах подножья холма, один с запада, другой с востока, откуда и по сей день окрестное население берет отличную питьевую воду.

По словам местных жителей, еще в начале нашего столетия весь холм был покрыт лесом, впоследствии, примерно в 20 годы окончательно вырубленный. На этом месте стали выращивать табак.

* За 10 лет экспедиции (1967—1977) в ее работе в разное время приняли участие научные сотрудники Абхазского института — М. М. Гунба, Ю. Н. Воронов, И. И. Цвиная, Л. Г. Хрушкова, преподаватели школ — К. Габуния, Л. Гулиа, студ. А. Резепкин, Г. Гемуа, В. Иосава, И. Мачабели, уч-ся Эшерской СШ. Общее руководство экспедицией осуществлял автор этих строк.

В конце 1968 г. большая площадь городища была террасирована глубиной 70—80 см, для citrusовых насаждений. В результате почти все сооружения и культурные слои более или менее ровных мест были уничтожены. И лишь впоследствии, благодаря активному вмешательству руководства Абхазского института и других компетентных органов, приостановили дальнейшее варварское уничтожение памятника. С 1975 г. городище взято под государственную охрану. По своей топографии памятник состоит из двух частей: верхняя и нижняя, разделенные крутым склоном.

Археологические раскопки велись в основном поквратно-последовательно; были подвергнуты раскопкам обе части городища, но нельзя сказать, что везде в одинаковой степени представлены культурные слои: так, в верхней части, вдоль окраины городища зафиксировано последовательное залегание трех культурных слоев, которым соответствует ранняя античность (слой третий) и эллинизм до конца своего существования (второй и первый слой).

Максимальная глубина залегания от нулевой поверхности самого раннего культурного слоя — 2,30 м, наибольшая его мощность не превышает 40—45 см, толщина эллинистического слоя иногда достигает 70—75 см. Всего раскопано на верхней площади городища 2.000 м².

Иначе обстоит дело на нижней площади памятника, где выявлено около 500 м². В отличие от верхней площади здесь представлен лишь эллинистический слой, т. е. отсутствует слой VI—V вв. до н. э. Если это дело не случая, то нужно полагать, что поселение раннеантичного времени занимало не всю площадь холма, а лишь верхнюю часть.

Переходим к рассмотрению тех основных открытий, которые имели место с 1967 г. с некоторыми перерывами до 1977 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ НА ЭШЕРСКОМ ГОРОДИЩЕ

За время археологических раскопок на городище выявлены остатки разновременных сооружений жилого и оборонительного значения, относящиеся в основном ко второй половине 1 тыс. д. н. э. К сожалению, раскопанная площадь еще не позволяет в достаточной степени осветить строительное дело этого крупного археологического памятника Кавказского Причерноморья. Особенно мало приходится говорить о строительных остатках первой половины 1 тыс. до н. э. А между тем, археологический материал позволяет говорить, что место будущего городища было обитаемо человеком еще с глубокой древности и особенно с эпохи бронзы. Здесь найдены кремневые и галечные орудия, костяные и бронзовые изделия, характерные для оседлого населения местных земледельческо-скотоводческих племен.

К числу наиболее ранних строительных остатков относится каменная вымостка, выявленная на верхней площадке городища, часть которой заходит под башню (№ 1) позднеэллинистического времени. Глубина залегания от современной поверхности 280 см, она перекрывалась материалами VI—V в. до н. э. (табл. IV₃).

О наличии каких-то сооружений в первой половине I тыс. до н. э. свидетельствуют также бессистемно разбросанные большие каменные глыбы на верхней площадке, перекрывавшиеся тоже всевозможными предметами эпохи существования городища (VI—I вв. до н. э.). Если учесть, что и те, и другие породы камней отсутствуют на данном холме, следовательно они доставлены сюда в качестве каких-то строительных материалов. Небезынтересно отметить, что именно из таких больших песчаниковых глыб были сооружены Эшерские кромлехи [133], выходы которых расположены недалеко от городища. К сожалению, пока что этим исчерпываются наши сведения о строительных остатках догородской жизни интересующего нас памятника, что недостаточно для определенных выводов.

Картина существенно меняется в эллинистическую эпоху; с этого времени и начинает возникать целая система помещений общественного и индивидуального значения, фортификационные сооружения (башни, куртины, рвы и т. д.).

Сооружения общественного значения. К числу их относятся остатки здания типа «казармы»*, выявленные в верхней площадке городища (табл. IV₁), от него сохранились два ряда фундамента: южный и северный. В лучшей сохранности южная стена. Стратиграфия памятни-

* Еще полвека тому назад М. М. Ивашенко отмечал, что развалины помещений Эшерского городища, состоявшие из хорошо отесанных плит, были использованы в начале нашего столетия на постройку местной церкви, магазина, частных домов и т. д. [39, с. 68].

ка показывает, что еще до начала его строительства, местность была выравнена, затем устлана булыжными камнями и лишь потом на ней воздвигали плотно пригнанные друг к другу рустованные квадры, четко прослеживаемые на южном ряду, где сохранились 7 квадров из местного известняка. Размеры: $48 \times 36 \times 56$ см; $35 \times 45 \times 55$ см; $40 \times 51 \times 57$ см; $37 \times 56 \times 57$ см; $32 \times 54 \times 55$ см; $31 \times 43 \times 45$ см; $54 \times 44 \times 50$ см. Видимо, блоки иногда соединялись при помощи пиронов залитых свинцом. В пользу этого говорит один из блоков с вырезом в середине в виде квадратного гнезда ($5 \times 5 \times 6$ см). По технике строительства остатки рассматриваемого помещения очень напоминают строительство т. н. казарм эллинистического времени Северного Причерноморья (Херсонес) [11, с. 96, 97] и Центральной колхиды [143, с. 8, рис. 2—4].

Установлено, что в эллинистическую эпоху для перевозки наиболее массового стройматериала предпочитали больше пользоваться морским транспортом по сравнению с сухопутным [147, с. 61—63]. Это обстоятельство заставляет думать, что известняковый материал (рваный и тесанный), использованный на постройках Эшерского городища, доставлялся сюда морем из ближайшего места его добычи. Учитывая залежи этой породы камней в данном регионе — на такое может претендовать Псырчихинский (Новый Афон) карьер, расположенный в 8 км западнее городища, по берегу моря.

С юго-западной ее стороны «казармы» было пристроено еще одно помещение площадью 7 м^2 входом с запада (табл. V₁). Фундамент его состоит из простых камней и одного песчанникового блока Г-образной формы. Нужно полагать, что к помещению с рустованными блоками относятся остатки капиталей, колонн, частей карниза, встречающиеся здесь же в отложениях культурных слоев эллинистического времени.

К числу построек общественного значения относятся остатки фундамента здания на нижней площадке городища, к сожалению, еще не все раскопанное (табл. VI₂). Длина стены по линии 3—В составляет 17 м, а стена по линии С—Ю—13 м, при ширине 55—60 см. В целом эти две стены принадлежат северному углу помещения. Остается нераскрытой более чем $\frac{2}{3}$ здания. Фундамент помещения состоял из тесанных песчаниковых блоков темно-коричневого цвета размером в среднем 35×40 —60 см в перемежку с известняковыми плитами и булыжными камнями. Как правило, песчаниковые блоки залегают на специально подстеленных, необработанных камнях. Высота сохранившегося фундамента не превышает 40—45 см. Большой интерес представляет конструкция помещения. Видимо, она имела деревянные колонны, чередующиеся примерно через каждые три метра. Колонны вставлялись на специальные углубления шириной 50 см, подстилаемые известняковыми плитами. Хотя выявленная часть здания очень незначительна, но предварительно можно сказать, что она относится к помещениям с открытым дворником типа перистиля [141, с. 370, 371; 147, с. 137—139].

На западной окраине помещения в позднеэллинистическом слое залегал хорошо отесанный блок из темно-бурого песчаника ($65 \times 72 \times 71$), у подножья которого были разбросаны бронзовые дощечки с древнегреческими письменами (табл. LXXVI₄ и т. д.). Множество обугленных остатков бревен, встречающихся в слое вместе с двумя монетами города Амиса (110—90 гг. до н. э.) дают право предположить, что здание погибло в результате сильного пожара, имевшего место на рубеже II—I вв. до н. э.

С восточной стороны этого здания было пристроено еще одно поме-

щение (4,8 × 2,10 м) типа кладовой с закопанным внутри пифосом. Оба эти помещения в свое время были покрыты черепицей.

На городище были раскопаны и другого типа помещения, пристроенные к оборонительной стене. К ним относятся помещения, построенные одновременно с башнями и куртинами. Удастся их обнаруживать по мере выявления оборонительной стены. Всего таких помещений выявлено 9.

Помещение А расположено рядом с восточной стороны башни № 1. Пристроено в начале куртины № 1. Вход в него с юга. Общая площадь достигает 43 м². С внутренней стороны помещение имело каменную перегородку, следовательно состояло из двух комнат. В одном из них обнаружен пифос позднеэллинистического времени; несколько обломков от местных черепиц, столовая посуда, кости животных и т. д. Присутствие среди них остатков коричневолаковой посуды и других позднеэллинистических материалов, позволяет говорить, что помещение «А» возникло не ранее II в. до н. э. (табл. II).

Помещение А₁ находится к западу, рядом с «казармой». Размеры его 300 × 340 см, пристроено с тыльной стороны куртины 1; ориентировано с юга на север с незначительным отклонением. Вход также как и помещение А, расположен с южной стороны. Расчистка внутри помещения дала богатый и разнообразный материал (обломки мегарских чаш, втульчатый железный наконечник стрелы, две амфоры местного производства, одна из них имеет клеймо на горле и граффити АП).

Помещение прекратило свое существование в конце II—I вв. до н. э., хорошо документированное медной монетой города Амиса (105—90 гг. до н. э.).

Помещение Б (табл. V₁). Пол помещения был зафиксирован на 240 см от современной поверхности. На полу лежали горшки, миски местного производства, кости животных и т. д. Фундамент состоял из рваного известняка на глиняном растворе.

Помещение В. Размеры 230 × 300 см. Внутри были закопаны два пифоса позднеэллинистического времени. На полу попадались остатки местных глиняных сосудов (миски, тарелки), кости от животных (олений рог). Фундамент заходит в субструкцию на глубину около 80 см. Цоколь состоит из булыжных камней в один ряд, а над ним залегают известняковые плиты без заметного раствора. Вход с юга, пол глиняный, хорошо утрамбованный.

Помещение Г. (табл. II, V₂) находится восточнее помещения В. Их разъединяет каменная стена-перегородка, шириной 250 см. Размеры помещения 240 × 440 см. Внутри закопаны три пифоса и фрагментированная столовая посуда местного производства.

Помещение Д. Расположено восточнее от помещения Г, отделенное от последнего опять-таки стеной при толщине 280 см. Размеры помещения 280 × 380 см. В северо-восточном углу был пристроен черепичный ящик — загородка прямоугольной формы в плане (табл. II, V₃). Длина 105 см, ширина 67 см, высота сохранившейся части 50 см, сверху был перекрыт также черепицей и завален тремя камнями. Пол ящика состоял из одной цельной черепицы (56 × 45 см) и трех дополнительных кусков. Черепицы, образующие стенки, своими бортиками ориентированы вовнутрь, а одна черепица лицевой стороной положена на землю. Перед ящиком в хаотическом положении лежал ряд предметов: калиптер, кувшинчик типа ойнохой и четыре миски—тарелки, а на северо-западном углу лежал импортный кувшинчик с отбитой головкой. После очистки этого места обнаружилась каменная вымост-

ка площадью ок. 7 м², где и были высыпаны перечисленные предметы. (табл. XXXVI).

Учитывая характер находок, черепичный ящик-загородка может быть назван местом хранения предметов обихода. Подобные загородки встречались в Северном Причерноморье и в более поздние времена, но эти сооружения не трактуются однозначно [138, с. 106, 107].

Помещение Е. Размеры 200 × 360 см, ориентировано по линии З—В. Оно было сильно потревожено земляными работами наших дней, поэтому, за исключением нескольких невыразительных обломков, внутри не оказалось датирующих предметов (табл. II).

Помещение Ж. Размеры 300 × 350 см. Верхний слой был перекрыт завалом камней и черепиц, образовавшимся при разрушении оборонительной стены. Внутри были закопаны два пифоса позднеэллинистического времени. На полу лежали остатки оленьего рога, местная амфора, около 10 больших пирамидальных отвесов, бронзовая игла с вилообразным завершением для плетения сети, два отполированных костяных предмета. Один из них восстановлен и напоминает стиль — палочку для письма (табл. LIX₂). Медная монета города Амиса (110—80 гг.), найденная в развале пола, дает *terminus post quem* для помещения Ж.

Итак, мы рассмотрели целый ряд помещений, расположенных вдоль оборонительных стен на расстоянии 40 м. Судя по их планировке и вещевым находкам, есть основание полагать, что они были построены в качестве караульных помещений, откуда всегда можно было держать под постоянным наблюдением подступы к городищу.

Башни, куртины, ров. И здесь относительно первой половины I тыс. до н. э. из-за недостаточной изученности исторической топографии и соответствующих культурных слоев, приходится говорить мало. Симптоматично, что само поселение возникло на месте естественно защищенного холма, что должно говорить о возможности существования невыявленных еще каких-то дополнительных укреплений, восходящих в доантичное время. Такое предположение вполне оправдано и тем, что наличие фортификационных сооружений в первой половине и середине I тыс. до н. э. в Абхазии — археологически уже засвидетельствованный факт [21, с. 133—142]. Ниже переходим к характеристике оборонительных построек городища, куда входят башни, куртины и ров.

Башня I (табл. VIII₃) находится на самой верхней точке городища. В плане имеет прямоугольную форму, ориентированную почти по сторонам света. Возникла на месте могильника конца III—II в. до н. э. От башни остался лишь фундамент, сложенный из необработанных диких валунов и вторично использованных из известняковых квадров. Размер наибольшего валуна 70 × 70 × 35 см. Размеры башни 11 × 12 м т. е. площадью 112 м². Длина фундамента (№ 1) — 12,4 м при ширине 2,5 м. Длина фундамента (№ 2) — 11 м, при ширине ок. 2 м. Длина фундамента (№ 3) — 12 м. Длина фундамента (№ 4) — 11 м, при ширине 2,6 м. Из всех фундаментов в самой плохой сохранности находится восточная стена № 3. Для всего основания здания характерна одна особенность; наружные края сложены из наиболее крупных валунов. Наблюдение показывает, что строители нивелировали поверхность площади, после чего клали дикие камни, поверх заливали высококачественным известковым раствором сероватого цвета, без какой-либо примеси. Промежутки крупных камней заполнены глиной и другими строительными остатками керамических изделий, среди которых ручка родосской амфоры III в. до н. э. (ЭГ—72—663), бронзовое крыло от скульптурной фигуры (табл. LXXVI₁), обломки че-

репиц и т. д., на засыпку фундаментов зданий шло все, как было принято в технике строительства эллинистической фортификации [147, с. 310; 25—а, с. 372]. Известняковый раствор, использовавшийся для внутренней забутовки цоколя, лучше всего сохранился на фундаментах № 1 и № 4, где он достигает толщины 8—10 см.

Внутри башни был большой развал камней, а также остатки позднеэллинистического пифоса, закопанного на уровне фундамента здания (ЭГ—72—650).

Известняковый раствор, использованный при строительстве башни, был получен из гашеных изветняковых блоков и колонн, некогда украшавших эллинистическое здание. Следы этой варварской перестройки видны повсеместно: иногда в фундамент употребляли отесанные блоки, части колонн, плиту с надписью, части бронзовых скульптурных фигур, сосуды.

Башня 2 (табл. II) расположена на северо-восточном углу городища. Ориентирована по рельефу с юга на север. В плане четырехугольная. Сохранились западная и восточная стены. Ширина западной стены 2,20 см, восточной — 2,70 см. Расстояние между ними 2,50 м. Иными словами, по своей форме и размерам она такая же, что и башня 3, раскопанная в 1971 г. Продолжение крыльев башен к северу неопределенное; они срезаны при проведении дороги. На поверхности башни зафиксированы остатки пифосов и несколько мисок местного и импортного происхождения эллинистического времени.

Башня 3 (табл. IV_{1,2}) находится на восточной окраине городища. Раскопки ее были осуществлены в два археологических сезона; 1968 и 1970 гг. Максимальная глубина залегания от современной поверхности до подножья башни достигала 180 см. Башня имеет четырехугольную форму, вытянутую по линии З—В. Восточное основание башни было срезано при строительстве дороги. В итоге сохранившиеся части башни напоминают букву П, соединяющую две куртины, с северо-запада и юго-востока. Длина сохранившейся части башни с запада на восток составляет около 8 м при ширине 7,20 см. Ширина северной ветви башни 2,22 см, а южной — 2,40 см. С внутренней стороны башни на месте соединения северного крыла с куртиной сохранился фундамент маленького прямоугольного помещения, построенного после завершения строительства башни. Оно залегало выше основания башни на 20—25 см, по всей вероятности помещение являлось основанием входа в башню со стороны города.

С точки зрения фортификации немаловажный интерес представляет место входа в башню снаружи. В этом отношении заслуживает внимания выемка шириной около 1 м у места соединения куртины № 3 с южным крылом башни. Наше предположение вполне соответствует традициям оборонительных построек. Так, обычно калитки оборонительных стен располагались слева от башни, если смотреть на них извне города. Подобное устройство обуславливалось требованием поставить штурмующих калитку врагов правым незащищенным боком к башне, откуда их могли бы поразить защитники города [6, с. 242].

Предположение о том, что здесь мог находиться вход косвенно подтверждает найденный на этом месте железный ключ с четырьмя зубцами и кольцевидным основанием, характерным для античного мира. Техника строительства такая же, что и предыдущих башен; цоколь из крупных булыжных камней и рваный известняк сверху. Местами, особенно на углах соединения куртины с башней, прослеживается известняковый раствор. Говоря о времени пользования этим связующим веществом, следует вспомнить, что известковым раствором пользова-

лись еще в эллинистическое время, правда, значительно реже, чем в римскую эпоху [147, с. 46].

Куртина — 1 (табл. II) — так именуется сплошная оборонительная стена, соединяющая башни 1 и 2. Куртина (*mesopyrgia*) имела толщину 180—200 см. До нас дошли лишь нижние ряды, выложенные из булыжного цоколя и рваных известняковых плит, достигая высоты до 80—100 см от подошвы. Снаружной стороны имеется панцирная облицовка. Внутренность стен заполнялась бутовым камнем, глиной и керамическими остатками — прием типичный для фортификационных сооружений эпохи позднего эллинизма [147, с. 310]. По всей вероятности верхние ряды стен воздвигались сырцовым кирпичем, массовые завалы которого встречаются вдоль всей стены в виде краснообожженных, измельченных, сильно деформированных кусков. Если сохранность первой куртины довольно хорошая и безошибочно можно судить в целом о ее облике, то меньше приходится говорить о куртине 1—а, расположенной к западу от башни 1. Она настолько разрушена, что оставшиеся от нее отдельные камни дают нам лишь общее направление, в основном совпадающее с устройством предыдущей куртины № 1.

Ров (табл. VIII₁). На южной стороне городища, там где образуется наклонная поляна города, нами было заложено несколько шурфов, с целью установления стратиграфии памятника на данном участке. По всему видно, что местность являлась наиболее уязвимой. Первый же шурф показал, что здесь проходила большая яма шириной 6 метров при глубине до 150 см от современной поверхности, напоминающая ров. Чтобы убедиться в последнем, мы заложили еще два шурфа поперек ямы. Получены были аналогичные результаты, т. е. ров тех же размеров проходил на расстоянии ок. 70 м до опушки леса в соответствии с рельефом холма. Но установленная нами протяженность рва далеко не полная, ибо основные работы в этом направлении — дело будущего, а пока что можно говорить лишь об ориентации рва с северо-востока к юго-западу и что он пролегал за чертой оборонительной стены на расстоянии около 5—10 м.

Описание культурных напластований содержимого во рву дает следующую картину:

1. Гуммированный верхний слой толщиной от 5 до 20 см содержал обломки черепиц, пифосов, горшков и т. д., характерных для поздне-эллинистического слоя.

2. Слой темно-коричневого оттенка мощностью 75 см содержал аналогичный материал.

3. Слой, образовавшийся после пожара мощностью ок. 40 см. В нем содержались массивные куски обугленного дерева. Этот слой залегал непосредственно на желтоватом материковом грунте.

Выявленный материал из всех трех шурфов не позволяет отнести время образования рва ранее эллинистической эпохи и прекращение его функционирования скорее всего связано с разрушением оборонительной стены городища, происшедшим не позже начала I в. до н. э.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ЭШЕРСКОМ ГОРОДИЩЕ

МАТЕРИАЛЫ ИЗ СЛОЯ VI—V ВВ. ДО Н. Э.

Керамические изделия. Посуды местного производства. Пифосы

Пифосы. Они встречаются на протяжении всего существования города. Но, как уже неоднократно отмечалось, наиболее ранний (третий) слой образовался за счет смещения слоев VI—V вв. до н. э., с остатками более ранних напластований. Поэтому предметы, встречающиеся в них в равной степени относятся как к раннеантичному, так и к предантичному периоду. По нашим подсчетам из раннеантичного слоя выявлено около 15 пифосов, точнее фрагменты от них.

1 ЭГ—71—512 (табл. IX₁). Верхняя часть Пифоса с профилированным отогнутым кнаружи закрайной, снабженной выемкой, а сбоку орнаментирована косыми полосками; черепок содержит в большом количестве песок с блестящими частицами. Цвет снаружи — темно-коричневый, внутри — темно-бурый. Аналогии нам известны из нижнего горизонта Сухумской горы, перекрытого эллинистическим слоем [41, с. 87, табл. XIX₁], а также из Тамышского поселения начала первого тысячелетия до н. э., Царча и многих других памятников Колхиды. [9—а, с. 225—231, рис. 5, 31б., с. 471—472].

2 ([ЭГ—73—559/1, табл. IX₂]). Головка пифоса с широко отогнутым венчиком, украшенная остроугольными врезными узорами в один ряд, цвет черный; глина пористая. Напоминает фактуру пифосов-костехранилищ («оссуарии») из того же села Эшера. Местность известная в специальной литературе как «холм Верещагина»* (59, с. 5). Вне Абхазии пифосы с подобной орнаментацией мы встречаем среди керамических изделий VII—VI вв. до н. э., Палури и других поселениях обширной Колхиды [83, с. 90, 91, табл. VI₅₇].

3 ЭГ—74—129 (табл. IX₃). Пифос с черной поверхностью, черепок в изломе коричневый, венчик отогнут кнаружи и украшен узором «елочки», выполненный зубчатым предметом, а шейка имеет волнистую линию.

4 ЭГ—70—553 (табл. IX₄). Сосуд слегка приподнятым округлым и отогнутым кнаружи венчиком, украшенный елочным узором, нанесенный зубчатым предметом. Поверхность черная, черепок в изломе красно-коричневый. Имеет включения блестящих частиц.

5 ЭГ—75—72 (табл. IX₅). Верхняя часть пифоса с округлым вен-

* В Нижней Эшера на холме, где найдено поселение эпохи поздней бронзы и раннего железа в начале XX века известный русский художник-баталист Верещагин Василий Васильевич (1941—1904 гг.) выстроил дачу, в честь которого и холм стали называть «Дачей Верещагина» [84—а, с. 100, 101].

По данным М. М. Ивашенко, абхазское название этой местности «Амжассара», что означает «роща, усыпанная мелкими тутовыми деревьями» [39, с. 58].

чиком, черной поверхностью, включающая мелкие блестки. Черенок в изломе темно-коричневый, плотный.

6 ЭГ—76—76 (табл. 1X₆). Венчик от пифоса округлой формы с неровными поверхностями; сверху сделано точечное углубление с косой линией, а с внутренней стороны нанесен ряд из точек; цвет темно-коричневый.

7 ЭГ—67—36—12 (табл. 1X₇). Часть пифоса, украшенная снаружи точечными углублениями с промежутками в 3 см, стенка заполнена вертикальными бороздками, а с внутренней стороны такие же бороздки нанесены с противоположной стороны, т. е. горизонтально. Цвет снаружи темносерый, черепок в изломе красно-коричневый.

8 ЭГ—75—200 (табл. 1X₈). Горло пифоса с округлым венчиком, поверхность черная, черепок в изломе темно-коричневый. Украшена густо нанесенными Г-образными узорами.

В слоях VI—V вв. до н. э. вместе с перечисленными находками выявлено два днища от пифосов.

9 ЭГ—75—683 (табл. 1X₉). Одно из них при переходе ко дну образует выступ по бокам. На самом дне сохранились сквозные (вертикальные) отверстия шириной 0,2 см, видимо, для циркуляции воздуха. Нужно полагать, что данный пифос служил для хранения сыпучих предметов (зерно?)

10 ЭГ—75—683 (табл. 1X₁₀). Нижняя часть пифоса, украшенная каннелюрами. В отличие от предыдущей стенки при переходе ко дну образует угол. Дм. дна — 23 см. Поверхность сильно выветрена, видимо, от длительного обращения в быту.

11 ЭГ—75—437а (табл. 1X₁₁). Дно пифоса с ребристым выступом у основания. Тесто имеет обильные включения песка и толченой извести. На дне нанесены параллельно идущие штриховки. Подобный узор на дне пифоса встречается на днищах керамических сосудов из приморских дюн с текстильной керамикой. Такие же пифосы с ребристыми или профилированными днищами встречаются и среди толсто-стенных сосудов с черненной поверхностью ЭГ—75—737 (табл. 1X₁₂).

Горшки — один из самых многочисленных сосудов на Эшерском городище. Они встречаются во всех слоях памятника.

Из общей раскопанной площади третьего слоя ок. 50 м² выявлено более 20 горшков, точнее обломки от них. Даем некоторые описания из них.

12 ЭГ—74—73 (табл. XIV₁). Горшок широкоустный почти не выделенной шейкой, венчик орнаментирован косо нанесенным зубчатым предметом, лепной, поверхность выровнена, цвет темно-серый. Черепок имеет включения измельченной белой массы (известняк) и блестящие частички.

13 ЭГ—70—62 (табл. XIV₂). Верхняя часть горшка с отогнутым и сплюсненным венчиком, снаружи заметны мелкие бороздки, внутри горизонтальные полочки; глина пористая с отдельными выщерблинами. Черепок имеет включения размельченной белой массы, плечи окатаны.

14 ЭГ—74—716 (табл. XIV₃). Горшочек едва заметно отгибающим округлым венчиком, украшенный мелкими углублениями в два ряда с интервалом в 1 см, глина пористая, цвет темно-бурый.

Миски. Начиная с раннеантичного слоя, на городище встречается многообразная столовая посуда, среди них миски.

15 ЭГ—72—1494 (табл. XXI₁). Широкоустная миска, с отогнутыми снаружи бортами, украшенная круглыми вдавливаниями. Глина пористая, цвет темно-бурый; наружная сторона покрыта мелкой штриховкой, а снаружи горизонтальными линиями. Имеет включения толченого извест-

няка и слюды (8 обломков) возможно, что они были снабжены крышками. Во всяком случае, одна крышка из такой же глины происходит из раннеантичного слоя (см. ниже).

16 ЭГ—74—489 (табл. ХХ_{1,2}). Миска неглубокая, красноглинная, с округлым и загнутым внутрь венчиком. Лепная поверхность шероховатая. Край орнаментирован вертикальным налепом с вдавливами из пальцев.

17 ЭГ—73—46 (табл. ХХ₁₃). Миска предыдущего типа, черненной поверхностью, украшенная густым волнистым орнаментом, причем два ряда выполнены четко нанесенными линиями, тогда как другие слабо выступают. Как увидим ниже, этот тип сосудов получает широкое распространение в эпоху эллинизма.

18 ЭГ—74—46 а (табл. ХХ₁₄₁). Миска со суженной шейкой, коричнево-глиняная, с золоченной поверхностью. Стенка сильно выгнута. Имеет волнистые узоры.

Миски с вертикальными ручками. Это своеобразные глубокие тарелки местного производства, встречающиеся с раннеантичного времени. По формам ручек, венчиков и днищ они дают несколько типов. Всего 52 экз.

19 ЭГ—76—1595 (табл. ХХV₁). Сосуд с округлым туловом, срезанным венчиком, дуговидной ручкой. Цвет темно-бурый, поверхность неравномерно сглажена.

20 ЭГ—76—1687 (табл. ХХV₂). Глубокая тарелка с загнутыми внутрь венчиком вверх заостренной ручкой, являющейся продолжением стенки; имеет круглое отверстие для придержания. Снаружи стенка покрыта горизонтальными полосками, цвет темно-бурый.

21 ЭГ—76—1898 (табл. ХХV₃). Сосуд с округлым венчиком, петлевидной ручкой. На венчике снаружи наклепана ленточная полоска, украшенная семечковидными узорами. Цвет темно-серый.

22 ЭГ—70—19/6 (табл. ХХV₄). Сосуд с шаровидной формой тулова, короткой ручкой (частично отбита). Край украшен тремя продольными полосками и поперечными насечками. Цвет темно-серый. Все перечисленные сосуды изготовлены лепным способом.

Крышки. Среди керамического материала нижнего слоя городища встречаются крышки от сосудов, получившие впоследствии, в эллинистическую эпоху широкое распространение. Они имеют формы перевернутых чаш с пуговицевидными, а иногда петлевидными ручками, служившие крышками от глубоких сосудов (кастрюли, разнообразные чаши — тарелки, кувшинчики и т. д.).

23 ЭГ—76—1410 (табл. ХХ₁). Крышка, украшенная с наружной стороны края налепом с мелкими вдавливами. С верхней стороны сглажена, а внутри густо нанесены горизонтальные начесы. Черепок имеет включения крупных белых кусочков со следами огня. Цвет темно-серый. По фактуре глины крышка идентична с глиной широкоустных, котловидных сосудов раннеантичного слоя, для которых, нужно полагать, и употребляли подобные крышки.

Котловидные сосуды — это глубокие, с широким диаметром глиняные изделия, с прямыми или округлыми стенками. Найдено 44 фрагмента по крайней мере от 12 разновидных сосудов. Встречаются во всех слоях городища. В интересующем нас слое было найдено 3 экз.

24 ЭГ—70—49 (табл. ХХ₁). Сосуд почти цилиндрической формы стенками венчик слегка округлен и под ним нанесен продольный ленточный налеп со следами вдавливания пальцев. Наружная поверхность покрыта вертикально нанесенными мелкими бороздками, а изнутри тог

Ш- же способ нанесения линий, но горизонтально. Обжиг неравномерный, и г нагаром. Черепок содержит большое число толченой извести и песка. Сохранились остатки лишь одного сосуда. Имеющиеся фрагменты, к с сожалению, не позволяют говорить о форме дна, также неизвестна да- а- же примерная высота. Под венчиком имеется сквозное отверстие — з. признак ремонта.

25 ЭГ—74—736 (табл. XXX₂). С тем же слоем связан другой котловидный сосуд со суженным устьем; обжиг темно-коричневый. Поверхность венчика украшена косо нанесенными зубчатыми вдавливаниями. Нужно полагать, подобные сосуды употреблялись в предантичную эпоху. Этому не противоречит нахождение аналогичных венчиков среди материалов с текстильной керамикой, прибрежных поселений Абхазии.

Кубки. К ним относим сосуды на высоких ножках или без них, выполненные подчеркнутым вкусом. В основном они служили для питья, но возможно, что некоторые из них могли быть использованы в процессе исполнения культово-религиозных обрядов. Есть среди них типично местные изделия, т. е. самобытные, но встречаются питьевые сосуды, выполненные в подражание привозным изделиям. Так или иначе кубки или остатки от них встречаются на протяжении всего существования городища, а возможно, что некоторыми из них пользовались и в период догородской жизни, хотя слои того времени, как уже неоднократно отмечалось, окончательно были разрушены в раннеантичную эпоху.

Кубки из слоя VI—V вв. до н. э. объединяют, главным образом, один тип.

26 ЭГ—72—822 (табл. XXXII_{1,1a, 1б, 2, 3}). Кубок трубчатой формы ножки, полый внутри, с круглым и широким основанием. Сохранилось пять экземпляров от подобных сосудов.

27 ЭГ—75—53 (табл. XXXII₁). Кубок со срезанным краем основания, цвет сероватый, с большим включением слюды; орнамент волнистый.

28 ЭГ—72—203 (табл. XXXII_{1a}). Подставка кубка сплошь черненной поверхностью, покрытая густым волнистым орнаментом.

29 ЭГ—75—53 (табл. XXXII₂). Кубок или ножка от него с горизонтальными желобками и веревочным орнаментом вокруг основания; обжиг темно-бурый, с включениями блестящих частиц. Встречаются кубки и без орнаментации (табл. XXXII₃ ЭГ—76—301; 1388).

К сожалению, из-за отсутствия верхней части мы не можем судить о формах вместилищ этих кубков, но нужно полагать, что они относятся к серии кубков очень распространенных в местной керамике Колхиды VI—IV вв. до н. э. [60, с. 101]. Но в то же время некоторые из них нужно полагать, являлись составными, соединенные между собой с помощью внутренних отверстий, как это мы видим на примере трехсоставного сосуда из погребения второй половины IV в. до н. э., раскопанное рядом с Эшерским городищем [124, с. 100, табл. 1₆], а также из окрестностей Сухуми. [100, с. 141]. Исходя из сложной формы последнего, нужно полагать, что ими пользовались при особых случаях, скорее всего они имели ритуальное значение, чему не противоречит исключительное их нахождение в погребениях. Интересующий нас образец извлеченный из культурного слоя городища, нужно полагать, попал туда из разрушенных погребений, имевших место не позже IV в. до н. э.

Подобный сложный способ изготовления сосудов (трех- и четырехсоставные) встречается и на кувшинах. Во всяком случае раннеэллинистичес-

тический сложный кувшин из разрушенного Агудзерского погребения состоял дополнительно еще из четырех сосудиков, надежно датированных золотой монетой Филиппа III (326—316 гг.). Отсутствие подобных сосудов в известных нам других памятниках позволяет говорить, что они носили локальный характер, очерчиваемый пока что между Эшера и Агудзера.

Импортная керамика. Раскопки на городище показали, что древние его обитатели, наряду с местными глиняными изделиями, обильно пользовались привозной керамической посудой, при этом имеется ввиду греческая керамика различных центров (Иония, Аттика, города Малой Азии). Устанавливается также, что сюда стали завозить керамику с самой ранней поры ионийской колонизации.

Керамика родосско-ионийской группы. Одним из прямых признаков начала древнегреческой колонизации юга нашей страны является присутствие греческой керамики эпохи архаики на различных античных поселениях, могильниках и культовых местах. Н. А. Сидорова по этому поводу полагает, что присутствие ионийской керамики в том или ином памятнике характеризует наиболее ранние слои греческих поселений времени появления первых эмпориев [97, с. 104]. Хотя сказанное относится к Северному Причерноморью, но не будет большой ошибкой применить это положение и к рассматриваемому памятнику, тем более, что импортная керамика раннеантичной эпохи всего Причерноморья связана с общим ходом Великой греческой колонизации.

Переходим к рассмотрению отдельных материалов, добытых на городище.

30 ЭГ—74—4 (табл. XXXIX₁). Чаша тонкостенная, открытого типа украшенная полосками, розетками из семи кружочков, а также гвоздевидным или клиновидным орнаментом. 3 экз. Внутри покрыта темно-бурым лаком. Подобной орнаментацией изготовляли чаши для питья вина, имевших распространение в конце VII—VI вв. до н. э.

Эту группу керамики специалисты относят к т. н. классу Камира родосско-ионийской группы [134, с. 231, рис. 2_{1,2}; 150, с. 28, табл. VIII₅]. Доказано, что именно розеточный узор и низкий кольцевидный поддон характерны для поздних образцов данной группы керамики и датируется серединой и второй половиной VI в. до н. э. [97, с. 114, 115, рис. 5₁]. Л. В. Копейкина на основании изучения керамики архаических слоев Ольвии, килик с розетками типа Эшерского экземпляра относит к первой половине VI в. до н. э. [53, с. 133, рис. 2]. Ближайшие аналогии нам известны из прибрежной части Центральной Колхиды [76, с. 65, табл. XII; 46, с. 76]; Северного и Западного Причерноморья [153, с. 384; 29, с. 128, рис. 27]. Все приведенные параллели датируются временем не позже второй половины VI в. до н. э. Из трех Эшерских экземпляров два происходят из слоя VI—V вв. до н. э. а третий найден в переотложенном комплексе. Подобные находки делаются впервые в Абхазии.

31 ЭГ—74—133/3 (табл. XXXIX₂). Венчик чаши или кубка с заостренным и плавно загнутым вовнутрь краем. Наружная сторона украшена полоской черного лака, чередующаяся дважды широкой линией темно-коричневого лака. Внутренняя поверхность закрашена темно-бурым лаком. Собрано три куса от одного сосуда. Круг этих сосудов относят к разряду простой обиходной столовой керамики и в силу этого имеет большое распространение среди материалов раннеантичных поселений. Специалистами неоднократно отмечалось, что нет еще достаточных критериев для определения их места изготовления и потому обычно в ли-

тературе получили название «простая ионийская керамика» и представлена почти во всем античном мире: Колхида [62, с. 70, табл. XI]. Северное Причерноморье [44, с. 230, рис. 9], Восточная Греция — Родос, Навкратис, Самос [150, с. 28, 29, табл. VIII₆], Сицилийские колонии [137, с. 239] и др.

32 ЭГ—73—220 (табл. XXXIX₃). Чаши с выпуклой стенкой, с прямым венчиком, разделенной между собой полоской темно-бурого цвета лака, а изнутри покрытая сплошным лаком. По форме венчика и способу нанесения линий прямые аналогии мы видим среди восточно-греческой керамики конца VII—VI вв. до н. э. [69, с. 161; 150, с. 30; 82, с. 25]. Дно одно такой чаши с кольцевидной подставкой из Эшерского городища имеет след ремонта (ЭГ—74—375—а).

33 (табл. XXXIX_{4,5,7,8}). Группа фрагментированных сосудов, относящаяся к т. н. простой полосатой ионийской керамике. Есть среди них обломки, украшенные снаружи полосой черного лака, изнутри сплошным. Найдено здесь несколько толстостенных фрагментов с той же орнаментацией.

34 ЭГ—74—98, 203 (табл. XXXIX_{11,12,15}). К этой же группе следует отнести и фрагменты тонкостенных сосудов, орнаментированных полосами пурпурного цвета. Они бывают ровные и кривые, открытого и закрытого типа, как это мы видим на некоторых образцах архаической керамики Колхиды [62, с. 70], Северного и Западного Причерноморья [44, 245, рис. 20_{1,3}] и островной Греции [150, с. 31, табл. IX₂₇; табл. XI_{35,4}; табл. XII₃].

35 ЭГ—75—23 (табл. XXXIX₆). Венчик скифоса с отогнутым наружу венчиком, вдоль края которого проходят два ряда чернолаковых полос, пространство между которыми заполнено в свою очередь точечными рядами, разделенными между собой тонкой линией коричневого цвета. Над венчиком оставлена незакрашенной ровная полоса естественного цвета глины. Внутри покрыта густым черным лаком. Абсолютно такой же формы расписные сосуды известны нам среди архаической керамики Восточной Греции, датируемые в целом VI в. до н. э. [150, с. 61, рис. 53] и в Пантикапее т. н. над старым зданием музея [11 а, с. 40—42, рис. 27].

Аттическая чернофигурная керамика. Ок. 40 обломков от различных сосудов.

36 ЭГ—73—202 (табл. XL₁). Стенка сосуда (скифос?) на которой сохранились фигуры трех людей, причем один из них обнаженный, от третьего сохранилась нога. По всей вероятности это является частью какой-то вакхической сцены. Позади людей на задних лапах восседает собакообразное существо (сфинкс?). Есть еще один обломок тонкостенного сосуда с изображением того же бегущего человека. Почти такой же сюжет мы видим на обломках мелкофигурного аттического килика VI в. до н. э. [154, рис. 80]. Один такой сосуд, найденный в архаическом слое Ольвии, датируемый третьей четвертью VI в. до н. э. почти повторяет сюжет Эшерского экземпляра [53, с. 135—136, рис. 3].

37 ЭГ—74—95 б (табл. XL₆). Венчик широкоустного, толстостенного сосуда, видимо, вазы, с профилированными краями, покрытый с обеих сторон глазурью темно-бурого и фиолетового цветов; хорошо напоминает ионийские вазы архаического времени [150, с. 47, табл. XVII₁₂].

38 ЭГ—74—577 (табл. XL₃). Стенка открытой посуды, на которой с внутренней стороны имеется изображение двух людей (точнее, ниже бедра) со скрещенными ногами. Близкий сюжет можно увидеть среди чернофигурной художественной керамики VI в. до н. э. [150, с. 84].

39 ЭГ—74—210 (табл. XL₄). Черепок с изображением сидящего сфинкса, от которого сохранилось крыло и часть туловища. Аналогичные изображения встречаются на чернофигурных сосудах аттического производства в Ольвии, Гераклионе, Истрии в слоях VI в. до н. э. [68, с. 146, рис. 13].

40 ЭГ—73—294 (табл. XL₅). К этой же группе керамики следует отнести черепок с изображением ноги какого-то животного, скорее всего птицы, выполненной пурпурной краской по естественному цвету глины. Верхняя стенка покрыта густым черным лаком.

41 (табл. XXXIX₁₃). Стенка сосуда с изображением крыла птицы, выполненная полихромной краской.

42 ЭГ—73—212 (табл. XL_{18,20}). В раннеантичных слоях Эшерского городища имеется свыше 20 обломков с широкими полосами, принадлежавшие различным импортным сосудам открытого и закрытого типа, датируемые VI в. до н. э., но есть среди них сосуды открытого типа.

Амфоры. На городище выявлены многочисленные привозные амфоры различных центров античного мира, начиная с ранней поры греческой колонизации. К сожалению, об этих находках столь раннего времени мы можем судить лишь по отдельным фрагментам (венчики, ручки, стенки, днища и т. д.). Поэтому не всегда удается точно определить центр их производства. Из-за сильной окатанности не всегда удается определить даже клейменные амфоры (точнее, ручки от них). Ниже даем описание и датировку некоторых определенных и привозных амфор Эшерского городища.

Амфоры с широкими полосами. Зафиксировано свыше 150 фрагментов, принадлежавшие не менее 10 экземплярам.

43 ЭГ—74—117 (табл. XXXIII₇). Остатки амфоры (точнее плечи от нее), с двумя полосами из плохо сохранившейся темно-бурного цвета краски. Черепок в изломе темно-коричневый, с блестящими включениями мелких частиц. С внутренней стороны снабжены горизонтальными желобками, обычно характерные для амфор. По многочисленным аналогиям, интересующий нас сосуд относится к изделиям Восточной Греции [35, с. 69, табл. 48 а, с. 96, рис. 6, 28 а, с. 75; 138 а, с. 72, рис. 5,1].

44 ЭГ—74—117 а (табл. XXXIII₉). Ручка от амфоры, овальная в сечении, украшенная с наружной стороны темно-коричневым цветом краски. От венчика вдоль ручки проходит полоса темно-бурого цвета краски. О принадлежности этой ручки к амфорам предыдущего образца не приходится сомневаться, так как именно для амфоры с широкими полосами характерен подобный способ окрашивания [35, с. 67—69].

45 ЭГ—74—103 (табл. XXX₁). Обломок амфоры покрытый снаружи полосой светло-бурого цвета, ограниченная с одной стороны коричневой краской. Внутри сохранились горизонтальные желобки. Перечисленные амфоры по хорошо известным типам амфор восточно-греческого происхождения, датируемые VI веком до н. э., представленных во многих городах Северного Причерноморья (Ольвия, Пантикапей, Гермонееса, Патрей, Нимфей, [153, с. 486, табл. 54, рис. 521, 522, 35, с. 69, 117 а, с. 16—18; табл. V—VI].

Далее имеются амфоры последующих веков, происхождение которых так или иначе связывается с определенными центрами. К ним относятся 11 обломков ручек от хиосских амфор V в. (ЭГ—73—268; 67—20—1; табл. XXXV_{1,2}) 3 экз. амфор со стаканообразными ножками, V в. до н. э.

Орудия из камня, металла и кости. Каменные орудия

46 (табл. LVI_{1-13,17,12}). К ним относятся группа кремневых и галечных изделий: скребловидные орудия с ретушью по одному краю, скребок на отщепе, нуклевидные скребки, галечный скол и др.

Подобная техника изготовления орудий практиковалась на протяжении большого хронологического диапазона с древнейших времен вплоть до начала широко освоенного железа. Найдены в основном в культурных слоях раннеантичного времени, куда они могли попасть в результате разрушения более ранних слоев.

Изделия из металла. Иглы. 3 экз. Каждая выполнена из отдельных материалов (кость, бронза, железо).

47 ЭГ—74—56 (табл. LXXI₉). Игла из кости; ушко с круглым сечением и значительным расширением, чем средняя часть. Острые обломки. Поверхность хорошо отработана. Длина сохранившейся части — 3,5 см, ширина ушка — 0,7 см. Учитывая толщину иголки, нужно полагать, что ею пользовались для сшивания грубых шерстяных и льняных тканей и войлока.

48 ЭГ—74—37 (табл. LIX₁). Фигурный предмет лопатообразной формы, отесанный острым предметом, с отполированной поверхностью.

Булавки. В интересующем нас слое мы нашли несколько целых или частично фрагментированных булавок и проколов, украшавшие костюмы древних эшерцев.

49 ЭГ—76—135 (табл. LXXIV₁). Булавка круглопроволочная с односторонней головкой и острой иглой. Имеет специфическую легкую изогнутость. Ближайшую аналогию мы встречаем среди погребального инвентаря Краснояцкого могильника [110, с. 274, табл. XXXIX₁₀].

50 ЭГ—73—478 (табл. XXIV₇). Бронзовая булавка из трех лучеобразно расходящихся в плоскости стержней, с перекладиной, концы которой украшены смотрящими в противоположные стороны круторогими головками (баран?). В свою очередь перекладина украшена рельефно нанесенными змеевидными зигзагами. С одной стороны снабжена петелькой для продевания цепочки. Длина — 7 см. Происходит из раннеантичного слоя под башней № 3. Как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, подобные булавки характерны для Абхазии, бытование которых в основном относят к середине I тыс. до н. э. [110, с. 70, 71].

51 Пряжка-роетка железная. дм. 28. Происходит из под башни № 3. Подобная же пряжка-роетка найдена в некрополе Нимфее V—IV вв. до н. э. [92, с. 71—73, рис. 40, 41].

52 Фибула одночленная с пластинчатой дужкой и одним витком у зарождения дуги. Игла круглопроволочная с крючковидным приемником. На ромбическом щитке крестообразно изображены четыре косые насечки. По центру проходит ровная полоса в виде елочки. Длина 3,8 см., высота 2,5 см. Происходит из слоя VI—V вв. до н. э. под башней № 1 (табл. LXXIV₁₀). Идентичная фибула найдена в кремационном погребении № 1 Сухумской горы [41, с. 53—55, табл. VI₁₅ р. 25].

МАТЕРИАЛЫ ИЗ СЛОЯ IV—I ВВ. ДО Н. Э.

Керамические изделия. Пифосы

В слоях эллинистического времени выявлено 48 целых или частично фрагментированных пифосов. При подсчете имеется ввиду только днища. По форме тулова и венчиков мы их делим на несколько типов;

53 ЭГ—74—588 (табл. X₁₆₆). Пифос с резко отогнутым кнаружи венчиком украшенный кнаружи двумя продольными желобковидными линиями; на шейке нанесены точечные узоры, также в два ряда, в середине одна врезная полоса. Цвет желто-коричневый. Происходит рядом с помещением Ж.

54 ЭГ—75—659 (табл. X₁₇). Пифос с недифференцированной шейкой, округлым венчиком; предплечье резко расширяется кнаружи, украшенное вертикальными полосками.

55 ЭГ—75—753 (табл. X₁₈). Пифос с плавно отогнутым кнаружи венчиком с ребристыми выступами по краю. Цвет темно-бурый.

56 ЭГ—67—43—1 (табл. X₁₉). Часть пифоса с подтреугольной формы венчиком, отогнутой кнаружи закраиной, украшена пересекающимися врезными линиями.

57 ЭГ—72—1246 (табл. X₁₂₆). К разновидностям пифосов относятся толстостенные сосуды с резко отогнутыми кнаружи венчиком, украшенный вертикальными полосками.

В слоях IV—I вв. до н. э. постоянно встречаются пифосы коричневого и темно-коричневого цвета, массивные венчики которых украшены четко нанесенными горизонтальными желобками в 3—4 ряда (табл. XII_{30,31,32}). Они, как правило, не орнаментированы. Среди толстостенных сосудов в интересующем нас слое городища встречаются изделия малых размеров, устья которых достигают 10—30 см. Формы днищ у места соединения со стенкой образуют валикообразные выступы или просто округлены (ЭГ—71—425; табл. IX₁₆).

58 ЭГ—71—402 (табл. IX₁₅). За все время раскопок городища лишь однажды удалось найти пифос (точнее, дно от него) синопского происхождения с заметно выступающим, массивным поддоном, покрытый снаружи желтоватым ангобом, по форме мало чем отличающийся от обычных пифосов.

Наряду с вышеописанными узорами, пифосы снабжены были также еще и другими видами украшения, в виде ямочек (табл. XII_{35,47}), пересекающихся сплошных линий (табл. XII₄₆) в один ряд и нанесенных зубчатым предметом (табл. XII_{37,38,44}) елочных узоров (табл. XII_{39,41,43}), семечковидных узоров и отдельных знаков (табл. XII₄₀); косых линий и ямочек (табл. XII₄₅); горизонтальных желобков (табл. X₂₀) и валиков (табл. X_{21,22}), каннелюр (табл. X₄₆), сложных узоров в виде вертикальных желобков, разделенных веревочным орнаментом и т. д.

При всех случаях пифосы выполняли хозяйственную функцию и, как правило, находили в помещениях, где их закапывали обычно головкой вверх. В одном случае (помещение «Г») пифос был снабжен крышкой в виде плоского камня.

Амфоры. Число амфор городища, относимых нами к местным изделиям насчитывает свыше 200 экз. (днищ). По форме основания, тулову, венчикам и другим деталям корпуса они делятся на пять типов.

59 ЭГ—68—354 (табл. XXXIV₁) 1 тип. Амфора красно-коричневого цвета обжига с темным оттенком. Черепок содержит мельчайшие частицы черного, беловатого и блестящего цветов, ручка в сечении овальная, ножка цилиндрической формы расширяется книзу. С внутренней стороны дна имеются извилины—неровности, напоминающие спираль. Сосуд сильно фрагментирован. Высота ножки 6 см, ширина—6,3 см. Амфора происходит из грунтового погребения, надежно датированная аттическими черно-лаковыми сосудами (килик, лекиф, чаша) второй половины IV в. до н. э. [124, с. 99].

Установлено, что эти ранние амфоры имели яйцеобразный корпус. Среди датированных амфор эшерский экземпляр напоминает ножку амфоры из Пичвнари. А. Ю. Кахидзе относит ее к I типу своей классификации. По его же справедливому указанию, пичвнарская амфора очень близко напоминает образцы раннесинопских амфор IV—III вв. до н. э. [45, с. 88]. Этому не противоречит и датировка нашей амфоры из Эшера. К разновидностям первого типа следует отнести амфору с цилиндрической формой дна, но без спиралевидного завитка на дне, т. е. прямо имитирующую синопскую амфору (ЭГ—76—1407).

60 ЭГ—76—592 а. II тип амфора с утолщенным венчиком, слегка припухлым горлом. Вытянутый корпус в середине имеет заметную суженность. Короткая ручка в сечении овальная. Высота 62 см, ширина устья 8 см, высота дна — 3,5 см; средняя толщина стенки 0,8 см. Обжиг светло-бурый, глина имеет грубые включения из беловатых частиц кварца и т. д. Стенка местами имеет черные пятнистые круги и трещины — следы от частичного соприкосновения с огнем. На уровне основания ручки острым предметом нанесен графити до обжига в виде М, а на противоположной стороне шейки таким же способом вырезан крест Х (ЭГ—76—592 а. Табл. XXXIII₁). Амфора найдена в помещении «Ж» вместе с медной монетой города Амиса (110—90 гг. до н. э.) [136, с. 107, 108]. В отличие от предыдущего типа эти амфоры лучше сохранились и известны значительно больше. Прежде всего это относится к красномаяцким экземплярам (погребение 39/150), откуда происходят две амфоры в свое время датированные суммарно V—II вв. до н. э. [110, с. 283]. На основании сопровождающего погребального комплекса (флаконы, браслеты) красномаяцкое погребение следует отнести к III—II вв. до н. э. Сотни таких амфор нам известен из Ванского городища в культовом здании с алтарем, а также и на других памятниках Колхиды III—I вв. до н. э. [142, с. 156, 89 а., с. 68—77]. Число обоих перечисленных типов амфор из Эшеры составляет 93 экз.

61 ЭГ—70—1413 (табл. XXXIV₃) III тип. Амфора с двуствольной ручкой. По цвету обжига, составу глины не отличается от предыдущего типа. Высота ножки 5—6 см. Существует мнение, что эти амфоры изготовлены по косским образцам [35, с. 106]. Высказанному не противоречат и находки косских амфор на том же городище, с которых могли и копировать*. Известен один случай нахождения целой косской амфоры из окрестностей городища (холм Верещагина) [59, с. 24; 35, с. 106, табл. XXV₅₁].

62 ЭГ—75—691. IV тип. (табл. XXXIV₄). Нижняя часть амфоры с цилиндрической формой дна.

63 ЭГ—74—411 V тип (табл. XXXIV₇). Амфора с плоско срезанным и слегка расширенным венчиком. На уровне верхнего основания ручки выступает горизонтальное ребро и соответственно с внутренней стороны проходит желобок. Плечи симметрично покаты, глина темно-бурого цвета с коричневым оттенком. Черепок содержит тонкоотмученные частицы беловатого и черного цветов, а также мельчайшие массы блестков. Ручки высотой 13 см в сечении овальные, при ширине 3,5 см, дл. устья 7,5 см, толщина стенок в среднем 0,8 см. На горле амфоры

Уже давно обратили внимание на факт находки обломков специфической кристаллической породы на городище, из которой не трудно получить пироксеновидную массу, соответствующую примеси в глине многих местных изделий. Считают, что этот прием заимствован из техники изготовления керамики городов Южного Понта [36, с. 114; 20, с. 110].

нанесено прямоугольной формы клеймо с неясными знаками**. Под шейкой процарапаны три буквы графити АΠΙ, а на противоположной стороне знак «ГН». Амфора происходит из помещения позднеэллинистического времени, вместе с монетой Амиса (105—90 гг.) [136, с. 107]. Типологически сосуд относится к кругу амфор с узким перехватом по середине. Прямые аналогии мы встречаем среди многочисленных материалов Колхиды и Северного Причерноморья [22, с. 87].

64 VI тип. ЭГ—76—592 а (табл. XXXIV₆). Амфора с клеймом . Венчик валиковидный, слегка припухлым горлом. Ручка в сечении овальной с продольным желобком посередине. Ножка профилирована и с наружной стороны имеет конусовидное углубление. Глина тонко-огмученная, цвет желто-коричневый со светлым оттенком. Имеет мелкие блестящие включения и в большом количестве шамот. Высота ручки — 20 см, ножка 5,5 см, толщина стенки у основания около 1,5 см. Как показывает обмер, заметных отклонений в их размере не прослеживаются, что позволяет считать, что они выпускались с определенно установленным стандартом. Особенностью этого типа амфор является наличие горизонтальных желобков с внутренней стороны стенки и в то же время совершенное отсутствие спиралевидного завитка на дне, столь характерного для местных амфор. Клеймо нанесено на одной стороне ручки с ретроградной надписью . Размер клейма 1,6 × 3,3 см.

Впервые эти амфоры были обнаружены в 1964 г. на берегу моря, в развалинах древней печи на западной окраине села Эшера в местечке Гвандра [122, с. 149—157]. На городище ручка такой амфоры найдена в 1976 г. на верхней площадке, в эллинистическом слое. По размерам штампа букв и их строчному начертанию создается впечатление, что все эти клейма из одной мастерской и штампы наносились одной матрицей. Нужно полагать, что в чтении «Диоску» мы имеем сокращенное название Диоскуриады античных авторов, локализованной большинством ученых в районе современного Сухума. По цвету обжига и составу глины амфоры с диоскурийским клеймом изготовлены группой мастеров, далеких от традиций изготовления местных амфор, хотя среди гвандрских находок есть несколько клейменных ручек, идентичных по фактуре обычным коричнево-глиняным амфорам, что дало нам основание высказать соображение о том, что мастерские, где изготавливались диоскурийские клейма, наряду с пришлыми мастерами, обслуживали и местные [122, с. 149].

По форме венчика, профилированной ножке, амфора с клеймом «Диоску» во многом напоминает тип фасосской амфоры. [35, с. 82, 143]. Местная диоскурийская амфора, подражающая таре другого центра — явление не случайное. Так, в IV—III вв. до н. э. фасосское вино имело самое большое распространение в Северном Причерноморье, куда и Колхида экспортировала вино, воск. В этом отношении, как установила И. Б. Зеест, подражание фасосской таре было своего рода подделкой тары более высококачественного сорта вина. И вообще надо сказать, что подделка керамической тары по образцу тары других центров имела широкое применение в античных городах [36, с. 108] при-

** Еще Б. А. Куфтин опубликовал найденную им еще в 30-е годы на Эшерском городище амфорную ручку с прямоугольной формы клеймом, с рельефной эмблемой внутри, с изображением, — как пишет автор, — не совсем ясной фигуры, напоминающей дельфина с рыбьим хвостом и двумя боковыми лапами — плавниками. Цвет ручки красно-розовый. [59, с. 13. табл. 11,].

мером которого является, как мы уже знаем, подражание колхидских амфор синопским, косским и другим амфорным стандартам.

В эллинистическом слое зафиксировано свыше сорока фрагментов от различных импортных амфор.

65 Родосские амфоры (8 экз.) с резкими изгибами ручек, относящиеся ко второй группе III—II вв. до н. э. Две из них сохранили следы клейм.

66 ЭГ—76—763 (табл. XXXV₄). Девять ручек от синопских амфор (ЭГ—68—38; 72—1—590), дно Гераклеийской амфоры IV в. до н. э.

67 Ручки от косских амфор (ЭГ—71—446; 47, 108—180; 73—323; 68—348; 71—372; 71—21; 74—620; 71—74).

Кувшины. В основном они фрагментированы, но в некоторых случаях встречаются и целые,

68 ЭГ—76—237 (табл. XXXVI₃). Кувшин на кольцевом поддоне, с дутым корпусом. Устье со сливом в виде головки ойнохои. Глина местная. Цвет светло-коричневый.

69 ЭГ—76—238 (табл. XXXV₁₂). Кувшин яйцевидной формы, с вытянутым и округлыми плечиками, головка и ручка отбиты. Глина тонко отмученая, цвет коричневый. Видимо привозной. Оба кувшина найдены на полу помещения «Д». Следовательно они бытовали не позднее нач. I в. до н. э.

Кувшины с крышками. Сюда относятся узкогорлые кувшины с выемками по краям, предназначенные для крышек. Есть среди них местные и привозные.

Местные изделия. 5 экз.

70 ЭГ—76—1281 (табл. XIII₉). Кувшин с недифференцированной шейкой сливающейся с верхним основанием ручкой. Последняя в сечении овальная. Дм. по краям — 14 см.

71 ЭГ—73—576 (табл. XIII₁₀). Венчик сосуда с резко отогнутым краем. К разновидностям этих сосудов относятся еще два кувшина с выемками по краям (табл. XIII_{11,12}).

Импортные 2 экземпляры.

72 ЭГ—76—1399 (табл. XIII₁). Кувшин с отбитой ручкой, цвет желто-коричневый, с включениями блестящих частиц. По цвету глины напоминает синопские изделия IV—III вв. до н. э. 2 экз.

Кувшины неизвестного центра, 35 экз.

Типологически эти сосуды мало чем отличаются от вышеприведенных кувшинов синопского происхождения, глина у них сильно отличается как от местных, так и привозных: цвет темно-бурый, глина хорошо отмученая, изготовлены на гончарном круге.

73 ЭГ—70—50/16 (табл. XIII₂). Кувшин с отогнутым кнаружи и приподнятыми вверх краями. Верхняя часть ручки является как бы продолжением венчика с двумя продольными желобками.

74 ЭГ—71—438 (табл. XIII₃). Кувшин с короткой шейкой. Венчик с внутренней выемкой; вертикальная ручка приближается к двустольной; цвет снаружи темно-серый, внутри коричневый.

75 ЭГ—73—1182 (табл. XIII₅). Верхняя часть кувшина с менее заметной выемкой. Ручка прикреплена к краю венчика. С внутренней стороны имеет продольные желобки, снаружи ровно сглажена, цвет темно-коричневый.

76 ЭГ—76—443 (табл. XIII₆). Кувшин с ребристым, кнаружи выступающим валиком и соответственно нанесенной бороздкой. Дм. 14,5 см.

77 ЭГ—70—50/16а (табл. XIII₇). Кувшинчик с открытым кнаружи закрайной, изнутри проходит валикообразный упор для крышки.

78 ЭГ—76—435 (табл. XIII₈). Сосуд широкоустный типа горшка. Ручка является продолжением венчика и за счет соединения обеих деталей образуется выемка для крышки: Из 35 кувшинов, по форме венчика и ручки выделены 8 разновидностей с выемками.

Ни один из приведенных кувшинов не был зафиксирован в раннеантичном слое и следовательно встречается только среди комплексов эллинистического времени. Учитывая, что на местной керамике нет более ранних прототипов, то отсюда нетрудно догадаться, что местные изделия есть подражание привозных сосудов.

Кубки. Как в раннеантичном слое, кубки продолжают встречаться и в слоях эллинистического времени.

79 ЭГ—76—1795 (табл. XXXII₄). Кубок приземистой ножкой, плоскодонный, с горизонтальной врезной линией у основания; обжиг серый, с блестящими включениями. В отличие от предыдущих кубков эти питьевые сосуды имеют округлое вместилище. Типологически они повторяют формы аттических чернолаковых чаш [82, с. 27].

80 ЭГ—73—464 (табл. XXXII₆). Кубок с полной ножкой дна, симметрично расходящимися вверх стенками, обжиг желто-коричневый, с большим включением слюды и песка. Такой же кубок местного производства, украшенный растительным орнаментом найден в комплексе городских ворот III—I вв. до н. э. Ванского городища [142, с. 275, рис. 112; 73, с. 58].

81 ЭГ—1386 (табл. XXXII₅). Кубок с массивной прямоугольной ножкой, с конусовидной формой стенками, обжиг темно-бурый, со сглаженной поверхностью. Черепок слабо отмученный, с включениями толченой извести.

82 ЭГ—68—352 (табл. XXXII₁₀). Ножка кубка полная внутри, орнаментированная елочным узором. Происходит из свалки позднеэллинистического времени, образовавшейся в результате строительства оборонительной стены городища.

83 ЭГ—71—4а (табл. XXXII_{4а}). Кубок или фиала полусферической формы дна с расширяющимися краями по сторонам и горизонтальным ребром посередине, цвет темно-бурый с блестяще сглаженной поверхностью, глина хорошо отмученная, высота ок. 6 см. Найден в эллинистическом слое вместе со свинцовым нагубником и наглазником эллинистического времени (табл. LXXV₂₉₋₃₁), что должно говорить о погребальном их характере. Подобные сосуды имели широкое распространение по всему античному миру, начиная с ранней поры греческой колонизации. [60, табл. А, 142, с. 275, рис. 86, 3; 30, с. 64, табл. XIII; 3, с. 22, рис. 5]. Их изготавливали из металла, стекла и керамики. С эллинистическим слоем нашего городища связаны обломки еще от трех сосудов этого типа (ЭГ—74—258; 262, 71—281).

84 ЭГ—75—388 (табл. XXXII₈). Кубок с плоским основанием и перехватом посередине; венчик слегка профилирован и широко отогнут кнаружи; обжиг буро-коричневый, имеет хорошо сглаженную поверхность, но местами образовались трещины, связанные с браком производства. Черепок в изломе коричневый с большим включением белых частиц, т. е. по качеству не отличается от других массовых керамических изделий местного производства. По форме напоминает чернолаковые чаши VI—V вв. до н. э. [37, с. 152].

85 ЭГ—74—223 (табл. XXXII₉). Кубок типа скифоса, лепной, с отступающими кнаружи краями основания, двумя ластовидными ручками, со сквозными отверстиями. Обжиг темно-серый, с неровными поверхностями. Глина плохо отмученная, с большим включением песка.

Это первый случай в крае, когда мы встречаем местное подражание древнегреческого сосуда типа скифоса.

86 ЭГ—76—4 (табл. XXXII₁₁). Кубок с зооморфной ручкой, блестяще полированной поверхностью, цвет черный.

Горшки. 87 ЭГ—73—700 (табл. XIV₄). Горшочек с резко отогнутыми кнаружи венчиком, округлым туловом. Наружная сторона украшена вертикально нанесенными, едва заметными каннелюрами. Снаружи цвет темно-бурый с нагаром. Изнутри темно-коричневый с горизонтальными полосами через каждые 1—2 см.

88 ЭГ—74—542 (табл. XIV₅). Горшок с плавно отогнутым кнаружи венчиком, горло украшено врезными полосками и наклепной ленточкой с косыми нарезками. Цвет серо-коричневый.

89 ЭГ—76—1419 (табл. XIV₆). Котловидный горшок с едва заметно отогнутым венчиком. Шейка снаружи имеет резко выступающие валики, украшенная косыми надрезами. Обжиг неравномерный: изнутри черный, снаружи коричневатый, имеет многочисленные включения белых частиц и слюды.

90 ЭГ—72—585 (табл. XIV₇). Горшок с расширяющимися кнаружи венчиком, шейка украшена ленточным наклепом, вертикальными вдавлениями и рядом насечек. Цвет светло-бурый, с обильным включением толченого известняка. На поверхности сохранились следы огня.

91 ЭГ—71—258 (табл. XIV₈). Сосуд с сильно закопченной поверхностью, шейка украшена широкой полосой узоров из косых и волнистых линий.

92 ЭГ—75—373 (табл. XXV₉). Горшок плоскодонный с выделенной шейкой, отогнутой кнаружи венчиком, вздутыми плечиками.

93 ЭГ—72—1653 (табл. XIV₁₀). Горшок предыдущего типа с приподнятыми краями, с плавным переходом шейки к тулову, украшенный врезной волнистой линией.

94 ЭГ—68—162 (табл. XV₁₁). Горшок с приподнятыми плечиками, шейка при переходе к тулову образует крутой поворот. Вертикальная ручка одним концом прикреплена к предплечью, другим — к тулову (последняя отбита). Цвет темно-бурый, происходит из свалки, образовавшейся при строительстве оборонительной стены, т. е. на рубеже II—I вв. до н. э.

95 ЭГ—73—115 (табл. XV₁₂). Горшок с вытянутой шейкой и опущенным туловом. Ручка прикреплена тем же способом как и на предыдущем экземпляре. Цвет темно-бурый.

96 ЭГ—72—15 (табл. XV₁₃). Широкоустная корчага с короткой шейкой, отогнутой кнаружи закраиной, без орнамента, с включениями белых частиц и слюды, цвет темно-бурый, со следами ремонта. Изготовлена на гончарном круге. Происходит из башни № 1.

97 ЭГ—74—506 (табл. XV₁₄). Горшки приближающиеся к баночной форме, орнаментированные косыми линиями и волнистыми узорами или просто бороздками. Как правило, поверхности всех этих горшков покрыты копотью дыма и нагара.

98 ЭГ—76—755 (табл. XV₂₀). Горшочек с горизонтальной ручкой, частично фрагментирован. Цвет темно-серый.

99 ЭГ—75—266 (табл. XV₂₁). К разновидностям вышеназванных горшков относятся сосуды с двойными горизонтальными ручками. К сожалению, из-за фрагментарности, мы не можем судить в целом о форме этих горшков, но они массивны, стенки достигают толщины 1 см. 3 экз. Аналогии нам неизвестны.

Котловидные сосуды

100 ЭГ—76—1983 (табл. XXX₃). Сосуд со слегка суженным и обрубленным венчиком, поверхность слегка вогнута. Снаружи проходят две врезанные продольные линии. Цвет коричневый, обжиг равномерный.

101 ЭГ—70—50 (табл. XXX₄). Сосуд с округлым венчиком, наружная сторона покрыта горизонтально нанесенными полосками. Внутренняя поверхность имеет ровную сглаженность. Обжиг темно-коричневый.

102 ЭГ—71—139 (табл. XXX₅). Сосуд со суживающимися вертикальными стенками. С наружной стороны венчик вокруг опоясан неглубокой бороздкой. Обжиг буро-коричневый.

103 ЭГ—76—1250 (табл. XXX₆). Сосуд со срезанной стенкой по вертикали; несколько необычный для таких изделий. Обжиг красно-коричневый, глина хорошо и равномерно отмучена. Поверхность покрыта мелкими горизонтальными полосками, шириной в 3 см, затем меняющимися вертикальными линиями.

104 ЭГ—76—618 (табл. XXX₇). Сосуд с выемчатым, недифференцированным венчиком: снаружи имеет неравномерные продольные углубления. Поверхность ровная, обжиг сероватый, внутри красно-коричневый.

Кастрюли, типа мисок. 184 экз. Из них 92 местного производства, 77 неизвестного центра и 5 синопского изделия. Особенностью этих сосудов является обязательное наличие венчика с выемкой для крышки. Рассмотрим по месту изготовления.

Кастрюли местного производства

105 ЭГ—76—1950 (табл. XVI₁). Сосуд с округло выступающим венчиком, разделенный как бы на две части: из цилиндрической формы тулова, отходящая в сторону высокий край венчика. Цвет красно-коричневый, слабо отмученный.

К разновидностям этих сосудов относится экземпляр с менее выраженной выемкой, округлыми стенками (табл. XVI_{2,3}). Интерес представляет миска почти угловатым корпусом, внутренняя часть стенки низкая и сильно вогнута вовнутрь (табл. XVI_{4,6}), но есть с плавным прогибом корпуса (табл. XVI_{7,8}). Устанавливается, что часть этих сосудов дополнительно были снабжены «лжеручками» (табл. XVI₁₀). По форме венчика и тулова они дают несколько разновидностей: миска с расширяющимся венчиком, небольшим выступом стенки и дуговидной формы ручки (табл. XV₁₁), с вертикальной и с прогибом ручкой (табл. XVI₁₂), с загнутым венчиком вовнутрь (табл. XVI₁₂).

Нужно полагать, что в основе их лежат привозные сосуды типа (табл. XLVII₁), с нормальными горизонтальными ручками эллинистического и в особенности позднеэллинистического времени малоазийского производства.

Кастрюли синопского происхождения

106 ЭГ—74—261 (табл. XVIII₁). Сосуд с внутренней выемкой, едва заметным, темно-коричневым лаком, глина хорошо отмученная. Судя по этому фрагменту, венчик готовился отдельно, после чего соединяли с корпусом путем затирания.

Второй экземпляр почти не отличается от предыдущего, но черепок в изломе сиреневого цвета. Глина хорошая, со слегка расширяющейся стенкой кнаружи.

107 ЭГ—75—433 (табл. XVIII₃). Кастрюля с резко отогнутыми кнаружи закраиной и вверх выступающей вертикальной стенкой; обжиг желто-коричневый, черепок с мелкими включениями блестков. На стыке между венчиком и корпусом имеется отверстие — след ремонта.

108 ЭГ—72—1—436 (табл. XVIII₄). Венчик кастрюли с широко отогнутой закраиной. Черепок в изломе сероватый.

109 ЭГ—73—927 (табл. XVIII₅). Верхняя часть сосуда с выемкой для крышки; венчик снаружи слегка утолщается. Цвет желто-коричневый, имеет включения черных частиц с блестками.

Кастрюли неопределенного центра. К этой группе мы относим изделия из однородной, хорошо отмученой глины с включениями мельчайших блестков слюды. Черепок в изломе темно-коричневый. Как правило, наружная поверхность всегда горелая, что должно говорить о соприкосновении их с огнем.

110 ЭГ—72—1—1559. По форме венчика, тулову и выемки по краю они дают несколько вариантов; кастрюля с широким, слегка приподнятым венчиком (табл. XIX₆), почти ровно отогнутым кнаружи закраиной (табл. XIX₈₋₈). иногда отогнутая поверхность имеет заметную выемку (табл. XIX₁₁). Нередко стенки подобных сосудов в нижней части имеют угловатое дно (табл. XIX₁₁₋₁₁), венчики и края с внутренним загибом. (табл. XIX_{12,13}).

До сих пор шла речь о верхних половинах кастрюль. Сложнее обстоит дело с формами корпусов и днищ, ибо нам удалось собрать лишь 5 днищ от подобных сосудов (табл. XIX_{15,16}) и ни одного целого. Это объясняется тем, что они хрупкие и тонкостенные. Судя по остаткам днищ они имеют кольцевидную подставку высотой около 0,5—1 см, при толщине 1—1,7 см; некоторые из них носят на себе следы ремонта (табл. XIX₁₅). Дм. от 18 (табл. XIX₁₃) до 36 см (табл. XIX₁₁), а дм. круглого дна — 9 см. Кастрюли вышерассмотренного типа обильно происходят из эллинистических слоев Сухуми [110. с. 332—333. табл. XI, VIII—XI, IX], Вани [73] и многих городов Северного Причерноморья [55, с. 114; 2, с. 34, рис. 38].

Среди находок этого времени значительно возрастают миски. Как и в своих VI—V вв. до н. э. они неглубокие по объему, без подставки, с прямыми или слегка загнутыми краями; большей частью черные поверхности хорошо сглажены. Ширина устьев в среднем от 10 до 25 см. Подобные сосуды происходят из хорошо датированных погребений III—II вв. до н. э. из территории самого городища.

111 ЭГ—74—211 (табл. XXII₁). Миски на кольцевом поддоне. 92 экз. Миска или чаша глубокодонная, слегка заостренными краями, поверхность равномерно сглажена. Видимо после поломки попали в пожар, о чем говорят отдельные части с сажей на поверхности. Цвет темно-бурый. Сосуд происходит из пола помещения, разрушенного не позднее начала I в. до н. э.

112 ЭГ—75—236 (табл. XXII₂). Широкоустный сосуд на кольцевом поддоне с вертикальными краями. Цвет темно-серый, от плохого обжига на поверхности образовались мелкие трещины. Наружная часть кольцевого дна имеет едва заметный подковообразный знак.

113 ЭГ—75—228 (табл. XXII₃). Миска с хорошо отполированной поверхностью, с четко нанесенными горизонтальными полосками, связанными с технологическим процессом его изготовления. Цвет темнобурый, в изломе рыхлый, сужен и округлен; края неровные, с треснутыми стенками; внутри дна нанесен знак X.

Все перечисленные три сосуда найдены на полу помещения позд-неэллинистического времени. Хорошая сохранность должна говорить о том, что сосуды относятся к моменту гибели помещения.

Среди мисок с кольцеобразными подставками имеются немало экземпляров, снабженные отдельными процарапанными знаками.

114 ЭГ—75—665 (табл. XXIII₁₂). Широкая красноглиняная тарелка, с наружной стороны имеет знак X, выполненный до обжига. Дно миски (табл. XXIII₁₄; ЭГ—71—27) с обеих сторон имеет тоже косые кресты, но сильно потертые, что должно говорить о длительном обращении в быту; одна ее половина находилась в огне. Интересен знак в виде куриной лапы, нанесенный до обжига (табл. XXIII₁₂ ЭГ—67—40—15) косой крест в круге (табл. XXIII₁₅; ЭГ—70—20/1) или просто скрещенный крест тоже на маленьких чашках (XXIII, 13, 12—15).

Разнообразные знаки, нанесенные до обжига можно встретить и на других мисках — тарелках. Так с наружной стороны дна нанесены взаимопересекающиеся линии полос, образующие своеобразную сетку (табл. XXIII₂₀; ЭГ—76—195). Косые кресты (табл. XXIX_{21,22,74,75}), черточки с точками (табл. XXIV₂₄, ЭГ—74—439), и, наконец, с внутренней стороны дна широкой миски на кольцевом поддоне стоит знак, напоминающий свастику (табл. XXIV₂₆, ЭГ—73—516).

Как выше сказано, в основном на сосудах рассматриваемого типа большей частью встречаются косые кресты в разных, вариантах.

По профилю венчиков к местным изделиям тарелок с подставками следует отнести сосуды со свисающими, сильно профилированными и изогнутыми венчиками (табл. XII_{4a,5}). Правда, они больше напоминают венчики рыбных блюд, но, возможно, что принадлежали к простым тарелкам.

115 ЭГ—73—574 (табл. XXVI₅). Сосуд с округлой формой венчика, петлевидной ручкой; поверхность покрыта горизонтальными бороздками предыдущего типа; цвет коричневый. По составу глины не отличается от вышеназванного сосуда. Встречаются такой же формы миски с черненной поверхностью (ЭГ—72—243).

116 ЭГ—76—1150 (табл. XXIII₆). Миска с загнутым внутри венчиком, круглой петлевидной ручкой. Обжиг темнокоричневый. В отличие от предыдущих экземпляров, данные сосуды относятся к продукции серийного производства.

117 ЭГ—75—786—а (табл. XXVI₇). К разновидностям изделий следует отнести сосуды с округло углубленным туловом с роговидно выступающими, почти вертикальными ручками. Обжиг коричневого цвета, с включениями толченой извести и песка. Лепной.

118 ЭГ—75—256 (табл. XXVI₈). Плоскодонная, неглубокая круглая тарелка прямоугольной формой ручки и выемчатой поверхностью венчика, Лепная. Подобный сосуд из Дабла-Гоми впервые был опубликован Куфтиным Б. А. и называл его «шайкой». Он отмечал, что такие сосуды могут быть сопоставлены с архаическими греческими глубокими блюдами [60, с. 101, табл. 35₁₀]. Действительно, среди греческих сосудов встречаются чаши с вертикальными петлевидными ручками во многих памятниках древней Греции [150, с. 132, табл. I VIII, 151, табл. 103, № 619].

Лутерии. Встречаются как местные, так и привозные. Всего 23 экз. Поскольку это типично греческой формы сосуды и они зафиксированы только в слоях эллинистического времени, то характеристику их мы начнем с импортных изделий.

118^a ЭГ—75—852 (табл. XXIII₁). Лутерии с округлым туловом,

ровно срезанным венчиком, отогнутой кнаружи закраиной, покрытой сверху ямочками, выполненными путем давления пальцев. По четкости профилировки и массивности деталей следует отнести его к изделиям IV—III вв. до н. э. [37, с. 159, рис. 7, с. 154, рис. 24, с. 154, рис. 11].

118° ЭГ—72—453 (табл. XXVII₂). Лутерии с прямо выступающим венчиком и горизонтально отходящим краем, со следами ремонта.

118° ЭГ—72—1286 (табл. XXVIII₃). Венчики от лутерии со сливами и заметной выемкой между стенкой и закраиной. Эти типы лутериев имели широкое распространение в античных городах, где в одинаковой степени встречаются как привозные, так и местные изделия [37, с. 153].

Местные лутерии. К ним мы относим сосуды тех же образцов, изготовленные из темной или темно-коричневой глины, с обильным включением слюды и песка. Удалось собрать остатки от 13 сосудов.

118° ЭГ—71—267 (табл. XXVIII₅). Верхняя часть лутерии коричнево-глиняная со свисающим венчиком и ленточкой по краю, имитирующая веревочный орнамент.

118° ЭГ—73—969 (табл. XXVIII₆). Край лутерии с прямым венчиком, украшенный свисающим рельефным валиком в виде веревочной орнаментации.

Сковороды. Все они, как правило, происходят из эллинистического слоя, но есть один экземпляр из раннеантичного слоя.

119 ЭГ—74—138—а (табл. XXVII₁). Сковорода широкоустная с обрубленным краем. Цвет черный. Черепок содержал толченую известь и песок. По составу глины и цвету обжига ничем не отличается от других массовых изделий раннеантичного слоя.

120 ЭГ—73—575 (табл. XXVII₂). Сосуд плоскодонный со суженной стенкой. С внутренней стороны края имеется маленькая продольная выемка, видимо, для крышки. Обжиг неравномерный: снаружи темно-серый, образовавшийся от пребывания на огне, внутри — светлый.

121 ЭГ—76—1478 (табл. XXVII₃). Сосуд с округлой стенкой, слегка утолщенный в верхней части. С обеих сторон поверхность имеет легкую гладкость и покрыта горизонтальными полосками. Цвет коричневый, дм. 54 см. К его разновидностям относится невысокая сковорода с выступающими внутри закраиной, дм. 34 см (табл. XXVII₄ ЭГ—74—394).

122 ЭГ—73—902 (табл. XXVII₅). Широкоустный сосуд с профилированным краем, выполненный в виде продольного желобка. Обжиг коричневый. Внутренняя поверхность сильно потерта, что должно говорить о ее длительности употребления в быту.

123 ЭГ—75—903 (табл. XXVII₆). К разновидностям этой сковороды относятся сосуды с плоско отогнутым кнаружи венчиком, сильно утолщенной поясковидной закраиной, слегка расширенным (ЭГ—76—1323) и просто скошенным вовнутрь венчиком. (ЭГ—72—213).

Импортные 2 экз.

124 ЭГ—71—318 (табл. XXVII₇). Сковорода с широким устьем и валикообразным выступающим кнаружи венчиком. Опоясан двумя горизонтально идущими желобками. Обжиг желто-коричневый. Глина хорошего качества, звонкая при ударе.

125 ЭГ—716—512 (табл. XXVII₈). Глубокий сосуд с резко отогнутым наружу венчиком, как бы прикрепленный к вертикальной стенке. Обжиг желтоватый из хорошо отмученной глины с включениями мельчайших частиц кварца и слюды, при ударе звонкий.

126 ЭГ—75—716 (табл. XXVII₉). Сковорода с отогнутой кнаружи стенкой, венчик в сечении прямоугольный.

127 ЭГ—75—797 (табл. ХХІХ₇). Верхняя часть сосуда с плоско округлой закраиной. Посредине венчика проходит продольный валик. Цвет внутри черный, снаружи — коричневый.

128 ЭГ—71—35 (табл. ХХІХ₉). Край лутерии с лжеручкой в виде продолжения стенки с вдавливами пальцев. Глина красно-коричневая с розовым оттенком. Изделия из такой глины происходят как из самого городища, так и из развала красномаяцкой печи эллинистического времени [110, с. 81].

129 ЭГ—71—57 (табл. ХХІХ₈). Лутерии со сливом, неглубоким дном. Наружная сторона имеет черненую поверхность от соприкосновения с огнем.

130 ЭГ—76—1840 (табл. ХХІХ₈). Низкий массивный широкоустный сосуд с продольными горизонтальными ребрами. Черепок крупнозернистый. Из-за отсутствия одной половины нам трудно судить был ли он снабжен сливом или каким-нибудь дополнительным приспособлением. Подобный толстостенный сосуд известен из эллинистического слоя Ванского городища (142, 86, 2).

131 ЭГ—76—610 (табл. ХХІХ₁₀). Широкоустный сосуд типа лутерия с двумя противоположно прикрепленными ластовидными ручками. 2 экз. Ручка одной из них снизу орнаментирована тремя косыми крестиками, видимо, для удобства пользования (табл. ХХІХ₁₀ ЭГ—76—1195).

Крышки. Выше, при рассмотрении керамического материала слоев VI—V вв. до н. э. речь шла о керамических крышках. Находки показывают, что они численно больше возрастают в эллинистическую эпоху.

132 ЭГ—2—71—15^a (табл. ХХІ_а). Крышки с округлыми стенками книзу, цилиндрической формы ручки — перехватом, с сосцевидным выступом посредине.

133 ЭГ—73—870 (табл. ХХІІ₂). Крышки с пуговковидным перехватом и покатыми плечиками. Встречаются крышки с плоскими ручками (табл. ХХ_{3,5,7}), а также с выемками посредине и сосцевидными выступами (табл. ХХ₄).

Все эти крышки так или иначе повторяют формы импортных керамических крышек аттического (табл. ХХ₇) и синопского (табл. ХХ₃) производства, встречающиеся в тех же эллинистических слоях Эшерского городища. Подобные крышки имели широкое распространение почти во всех известных нам городах второй половины I тыс. до н. э. Диоскурии [110, с. 333, табл. XI, 1X₁₆] Вани [72, табл. XIX₈], городах Северного Причерноморья [55, с. 14, рис. 3, 2, с. 34, рис. 3, 8].

134 Наряду с перечисленными встречаются крышки иной формы, это петлевидные крышки округлой (табл. ХХ₈), слегка заостренной (табл. ХХ₉), или угловатыми и приподнятыми плечиками (табл. ХХ_{10,11}), иногда орнаментированные по бокам, в виде вертикально нанесенных бороздок (табл. ХХ₁). Обычно такие крышки имели сквозные отверстия для продевания пальцев (табл. ХХ_{8,9}).

135 ЭГ—75—865 (табл. ХХ_{13,14}). Дисковидные, уплощенные керамические предметы с вдавливами двух пальцев для удобного пользования. Условно мы их называем крышками. 5 экз. Ширина от 5 до 9 см.

Учитывая их миниатюрный характер, а также малочисленность по сравнению с другими крышками, мы считаем, что их изготовляли для сосудов ритуального значения, связанными с какими-то локальными обычаями. Во всяком случае, вне Эшера подобные изделия нам неизвестны.

Все перечисленные крышки изготовлены из местной, красно-корич-

невого и темно-бурого оттенков крупно-зернистой глины. Из них лишь первый тип крышек является подражанием привозных, а два остальных типа являются характерными для продукции местных гончаров.

Рыбные блюда. (Ихтия) 15 экз. В слоях эллинистического времени встречаются рыбные блюда из местной глины — той самой глины, из которой готовили массовые керамические изделия (миски, амфоры, пифосы, трубы и др.). Они также как и привозные рыбные сосуды, имеют внутри дна специфичные углубления — место для накопления рыбьего жира или соуса. Но в отличие от привозных, они выполнены значительно проще, со слабо выраженными профилями.

136 ЭГ—72—1274 (табл. XXXI₈). Дно красно-коричневого сосуда. Наружная часть дна еще до обжига была покрыта густыми концентрическими кругами и косым крестом. Интересно, что этот же знак внутри дна был нанесен до обжига.

Блюда неизвестного центра. 8 экз. Эту группу рыбных сосудов объединяют изделия по своему качеству, составу глины, цвету обжига, отличающихся как от привозных, так и заведомо местных. Они не покрыты лаком, но хорошо отмучены; глина по качеству не уступает привозным. Как правило, у всех одинаковый цвет равномерного обжига — золистый, с включением мельчайших блестящих частиц. Из этой глины делали также и другие изделия столовой и кухонной посуды (миски, чашки, кувшины и др.). Они носят серийный характер производства. Нам удалось выделить три таких сосуда.

137 ЭГ—73—287 (табл. XXXI₄). Блюдо на кольцевом поддоне, с углублением посредине. Поверхность имеет ровную сглаженность.

138 ЭГ—71—8 (табл. XXXI₅). Дно рыбной чаши на кольцевой подставке с двумя врезными полосками.

Импортные. К ним относятся обломки от шести сосудов (ЭГ—74—659; 71—353—436; 71—12; 76—1778; 67—714), причем три из них чернолаковые, а на остальных лак не сохранился.

139 ЭГ—74—659 (табл. XXXI₁). Два обломка сосудов со специфичным дном; лак не сохранился. Сосуд на кольцевой подставке с полусферической формой дна. Лак тускловатый, тонкий, неравномерный.

140 ЭГ—71—353 (табл. XXXI₃). Чаша предыдущего типа, но с более четкой профилировкой, лак чернее и гуще. Дата III—II вв. до н. э.

141 ЭГ—71—12 (табл. XXXI₃). Сосуд сиреневого цвета, с массивным кольцевидным дном и свисающим венчиком.

Краснофигурные сосуды. В раннеэллинистическом слое Эшерского городища (изредка в смешанных слоях) зафиксировано свыше 60 выразительных обломков от краснофигурных сосудов.

142 ЭГ—72—643 (табл. XL₆). Стенка скифоса со слегка отогнутым наружи и заостренным венчиком. На ней изображена фигура обнаженного юноши, видимо, атлета, контуры которого переданы подчеркнутыми линиями. Хорошо передана мускулатура, мышцы груди, плечи и т. д., с соблюдением анатомического порядка. Вьющиеся волосы, достигаая шеи, покрывают уши. Последние украшены серьгами. Правая рука согнута в локте (видимо что-то держит).

Фигура передана по образцам архаического искусства: голова в профиль, грудь и плечи в фас. По аналогиям из афинской агоры, сосуд следует датировать около 400—375 гг. до н. э. [155, с. 347—349]. Вещь происходит из перемешанного слоя, под башней № 1.

143 ЭГ—73—208 (табл. XI₇). Фрагмент тонкостенного сосуда с изображением нижней части задрапированной мужской фигуры, с поясом. Лак носил тускловатый цвет, изнутри имеет блестящий оттенок. По сюжету напоминает аттические краснофигурные сосуды пер-

вой половины V в. до н. э. [150, с. III. табл. XL₃₃ табл. XL₈]. Стенка чаши с вертикальным дном, слегка заостренным венчиком. Сохранилось изображение головы молодого человека с вьющимися волосами; брови и разрез глаз переданы четко нанесенными мазками, отделенные от общего фона стенки линиями естественного цвета глины. Лак внутренней стороны сосуда несколько жидковатый. 3 экз. от разных сосудов.

144 ЭГ—76—176^a (табл. XL₁₀). Крышка сосуда (аск?) с изображением пантеры и поднятой вверх левой лапой, как бы приготовившаяся к хватке. Тело покрыто черными пятнами. По конфигурации хищного животного, такое же изображение должно было быть на второй половине крышки. Фигура животного окаймлена полосой естественного цвета глины. Лак хорошего качества. Вещь следует отнести к аттической продукции и не позже первой половины IV в. до н. э.

145 ЭГ—75—1 (табл. XL₂₁). Нижняя часть сосуда (лекиф?) с плавно переходящими стенками книзу и кольцевидным поддоном. На стенке сохранилась пальметка, обрамленная по бокам тонкими полосками. На дне сосуда нанесены два концентрических круга. Аналогичные лекифы происходят также из окрестностей Пантикапея, где они датируются второй половиной IV в. до н. э. [43, с. 128]. Типологически изображение восходит к аттическим образцам середины IV в. до н. э. [139, с. 109].

146 ЭГ — (табл. XXXIX₁₁). Фрагменты от отдельных краснофигурных сосудов в виде схематизированного изображения птичьей головы (табл. XL₁₁) меандра (табл. XL₁₅) и др.

Простая чернолаковая керамика. Среди привозной керамики, пожалуй самое большое место занимают простые чернолаковые сосуды (столовая и кухонная) относящиеся в основном к концу V—IV вв. до н. э. Это — чаши-тарелки (табл. XLI_{1,4,6,8,10}), скифосы, котилы (табл. XLI_{7,9,11}), килики (табл. XL_{1,7}), днища кубков (табл. XLI_{3,5,9}), чаши с пальметками IV—III вв. до н. э. (табл. XLI_{1-3,14,19}).

147 Большая чернолаковая тарелка с графитом на дне в виде (табл. XLII₁).

Наряду с чернолаковой керамикой в эллинистических слоях городища встречаются в немалом количестве коричневоглиняная посуда, главным образом малоазийского происхождения.

148 (табл. XLIII). Тарелка на кольцевом поддоне, с широко отогнутым кнаружи венчиком, с прямыми краями. Дата III в. до н. э.

149 (табл. XLVII₁). Глубокая чаша с двумя горизонтальными ручками. Вдоль тулова проходят две горизонтальные полосы, а середина тремя концентрическими кругами. Интересно отметить, что подобные же сосуды изготовляли из местной глины (табл. XX₂; XLVII₂).

150 (табл. XLVIII₃). Чаша-кубок полусферической формы тулова с ямочкой на наружной стороне дна. Дл. 12 см, высота — 5,5 см.

151 (табл. XLVI₁). Тарелка неглубокая с широким устьем, невысокой, частично фрагментированной ножкой, с вертикально стоящими бортами. Обе стороны покрыты неравномерно нанесенным коричневого цвета лаком. Середина украшена пятью концентрическими кружочками, выполненные местами зубчатым предметом, а на противоположной стороне вырезан крест и греческая буква N с тремя палочками. Подобные тарелки происходят из Гиеноса и датируются II в. до н. э. [62, с. 132, табл. XXXII₃].

По раскопкам Ванского городища, подобные сосуды находятся в слоях III—I вв. до н. э. Встречаются они и в городах Северного Причерноморья [81, с. 9 рис. 36, 13].

Буква N нанесена также и на других чашах эллинистического времени. По мнению И. И. Толстого буква N, встречающаяся на синхронных чашах Северного Причерноморья, можно считать началом имени Никий или Никия [108, с. 34].

152 (табл. XLIV₁). Дно широкоустной тарелки покрытое изнутри грезными треугольниками.

Мегарские чаши. Из многочисленных обломков этой своеобразной посуды (их свыше 180) удалось восстановить формы более 30 экз. Как правило, все они происходят из культурного слоя эллинистического времени, связанного преимущественно с остатками разрушенных помещений.

153 ЭГ—71—1 (табл. LIV₄). Чаша полусферической формы с низким кольцевидным поддоном, склеенная из множества обломков. Цвет чернопепельный. Украшена пальмовыми листьями, разделенными в свою очередь аканфовыми, причем каждое изображение обведено пунктирными линиями.

На верхней части узоров расположены две горизонтально нанесенные линии, состоящие из S-образных спираликов и восьмилепестковых розеток. Описанный орнамент имеет большое распространение. Счень близкие сосуды мы встречаем среди находок в Танаисе, Пантикапее, Мирмекий с именем Деметрия, датируемых II в. до н. э. [136, с. 238, табл. VII; 138, с. 209].

154 ЭГ—71—359 (табл. LI₆). Верхняя половина чаши состоит из сильно схематизированных аканфовых листьев и частично ланцетов. В абрамленном поясе выступает плетенный орнамент. Венчик слегка вогнут вовнутрь, высота которого составляет 2 см, а ширина пояса, расположенная под венчиком 1,4 см. Цвет красно-коричневый, того же цвета и лак, но переходит местами в темный цвет. Орнамент плетенный, характерный для пергамских рельефных чаш [136 а, с. 132, табл. 33]. Эшерский сосуд близко напоминает обломок «мегарской» чаши, найденной в Фанагории, в погребении 60 некрополя «Н», датируемое III в. до н. э.

155 ЭГ—71—484 (табл. LI₁). Венчик слегка вогнут вовнутрь. Лак темно-коричневый. Глина в изломе кирпичного цвета. На венчике небрежно нанесена врезная полоса, под которой идет лесбийская киматия в бордюре; еще ниже располагается ряд восьмилепестковых розеток, тоже в полосе и ограничены с обеих сторон линиями. Под ними изображены колесницы с крылатыми эротами, причем в каждой колеснице впряжены по два коня.

Принято считать, что чаши с изображениями крылатых эротов на колеснице не были редкостью среди изделий делосских мастеров. Судя по цвету лака, расположению орнаментальных мотивов и сюжетов, эшерский экземпляр вслед за танаисским и другими чашами Северного Причерноморья относится к делосским изделиям. [136 а, с. 227, табл. III₂₉].

156 ЭГ—71—482 (табл. LI₁₀). Венчик вогнут вовнутрь. Лак красноватый. Черепок в изломе розоватого цвета. Верхняя часть сосуда несколько почернела, видимо от условия местонахождения при обжиге в печи. Под венчиком чаши между полосами идет ов в бордюре.

В соответствующих местах изображены дельфины, а между ними — вазы с цветами. Существует мнение, что изображение фельфинов больше характерно для сосудов пергамского круга. Этому не противоречит и более реалистичный способ рельефных изображений, столь характерных для пергамских рельефных чаш.

157 ЭГ—71—482/1. Верхняя часть сосуда.

По цвету лака, степени обжига почти ничем не отличается от предыдущего, но в деталях расходится. Так, на последнем отсутствуют фигуры дельфинов, рельеф более низкий и т. д.

158 ЭГ—71—483 (табл. LI₇). Сосуд с вогнутым краем вовнутрь. Лак красно-коричневый, глина тонко отмученная, без примесей. Верхний край имеет следы огня. Поясок под венцом заполнен 8-лепестковыми розетками в бордюре.

Под ними вертикально расположены лепестки в виде длинных язычков с закругленными верхними концами, разделенными между собой точечными узорами. По составу глины и цвету лака мало чем отличается от вышеперечисленных. Но вместе с тем по орнаменту рассматриваемый сосуд очень напоминает чаши пантикапейского производства [136 а, с. 122] и Мирмский [138, с. 209].

159 ЭГ—71—502 (табл. LI₆). Венчик вогнут вовнутрь. У края венца на расстоянии 1 см проходит заметно углубленная полоса, под которой рельефно выступают шестилепестковые розетки с точками внутри. Ниже следует точечный узор. Из-за фрагментарности неясно, что на нем изображено, но очень напоминает предыдущий сосуд.

160 ЭГ—71—508 (табл. LI₂). Под выпукло выступающей полосой проходит рельефно нанесенный ряд состоящий из усложненной плетенки. Лак сильно стертый.

Прямые аналогии мы видим среди привозных «мегарских» чаш Танаиса [136 а, табл. III].

161 ЭГ—71—509 (табл. LI₁). Шесть обломков от одного сосуда, украшенных широкими ланцетовыми листьями. Состоят лишь из одних стенок.

162 ЭГ—71—510 (табл. LI₇). Четыре обломка от чаши. Лак красно-коричневый. На поверхности нанесена лучевидно расходящаяся розетка с точкой в центре. Имеем прямую аналогию среди танаисских находок [136 а, с. 224].

163 ЭГ—71—512 (табл. LIV_{1,2}). Обломок чаши, покрытый чешуйчатым орнаментом.

164 ЭГ—71—513 (табл. LIV₃). Поверхность украшена в один ряд нанесенными 8-лепестковыми розетками, а под ним воин в подпоясанной тунике и в шлеме. Лево́й рукой он держит щит, правой — колющее или режущее оружие. (меч, копье?). Поза наступательная. Лак почти весь стершийся. Глина хорошо отмученная с мельчайшими включениями белых частиц. Судя по обломкам на сосуде должны были быть нанесены четыре фигуры воинов. Так или иначе этот интересный сюжет должен быть связан с т. и. «троянским циклом», факт сам по себе чрезвычайно интересный. Во всяком случае из отечественных находок нам известен лишь один случай выявления с таким сюжетом, происходящий из Боспорского царства [42, с. 258, р. 4].

165 ЭГ—73—306 (табл. LIII₁). Верхняя часть сосуда с поясом из ов, аканфованных листьев и лозы.

166 ЭГ—73—290 (табл. LIII₂). Обломок сосуда, покрытый изображениями длинных лепестков, чередующихся параллельно нанесенными пунктирными линиями. [74 с. 205, рис. 63].

167 ЭГ—73—312 (табл. LIII₃). Стенка сосуда, украшенная рельефно-выполненными гирляндами цветов и лозы. Глина коричневая, ла темноватого оттенка.

168 ЭГ—73—300 (табл. LIII, IV). Верхняя часть сосуда, покрыта орнаментом из ов. На стенке сохранилось изображение какого-то неясного предмета, также греческая буква Ν.

169 ЭГ—73—367 (табл. LIII₅). Обломок стенки с рельефно выступающими длинными лепестками.

170 ЭГ—73—293 (табл. LIII₆). Обломок венчика чаши, украшенный полосой меандра и гирляндой виноградной лозы. Цвет темно-коричневый.

171 ЭГ—73—420 (табл. LIII₇). Венчик чаши, на стенке книзу прогнутые вершины аканфованных листьев. Глина сероватого цвета.

172 ЭГ—73—291 (табл. LIII₈). Венчик чаши, орнаментированный поясом из крупных рельефных точек и семилепестковыми розетками. Лак коричневый.

Абсолютные аналогии мы встречаем среди находок мегарских чаш Подонья — Приазовья [126_а, с. 239]. Пантикапея. По мнению Курби, подобные сосуды делосского происхождения [152].

Светильники 4 экз. Все они связаны с культурным слоем III—I вв. до н. э. Нужно полагать, что в слон они попали из разрушенных погребений, поскольку светильники в эллинистическую эпоху являлись обязательной принадлежностью погребального ритуала, особенно греческого [84, с. 111]. По глине три из них, местного производства и один привозной.

173 ЭГ—76—313а (табл. LIV₈). Светильник чернолаковый, с вытянутым рожком. Снабжен отверстием для наливки масла. Поверхность украшена рельефно нанесенными узорами из растительного мира. Этот мотив часто встречается на мегарских чашах. Светильник частично фрагментирован. По цвету лака и рельефным узорам датируется III—II вв. до н. э.

174 (табл. LIV₆). Светильник с вытянутым рожком. Поверхность сильно потерта и закопчена от дыма. Круглый щиток снабжен в центре отверстием для наливания масла, а также с 4-мя сквозными отверстиями, видимо для подвешивания. Длина ок. 10 см, дно 3,5—4 см.

175 ЭГ—73—430 (табл. LIV₉). Верхняя часть светильника с круглым отверстием, вытянутым рожком, украшенная вокруг жемчужным узором. Красноглиняный. Аналогии встречаются среди эллинистических светильников Мирмекия. [156, с. 99, 100].

176 (табл. LIV₆). Нижняя часть светильника на едва заметной подставке. Глина местная.

Водопроводные трубы. К числу многочисленных керамических изделий Эшерского городища относятся водопроводные трубы. В виде отдельных обломков они встречаются почти на территории всего памятника: как на поверхности, так и в слое. Начиная с 1971 г. нам удалось в трех местах раскопать звенья этих труб. Из них дважды внутри городища на верхней площадке и один раз вне городища на расстоянии около 200 метров к северо-западу от последнего.

Об эшерских водопроводных трубах было известно еще в 30-е годы нашего столетия. Ими интересовались А. А. Иессен, М. М. Иващенко, Б. А. Куфтин, но из-за отсутствия археологических раскопок вопрос их датировки был оставлен открытым [59, с. 10]. Теперь установлено, что интересующие нас трубы, как правило, залегают в слое, в сопровождении хорошо датированных материалов (чернолаковые изделия), рельефные чаши типа мегарских, амфорная ручка с диоскурийским клеймом, монеты городов Понтийского царства и т. д. По степени сохранности эти трубы ничем не отличаются от перечисленных материалов, что дает основание синхронизировать их, т. е. отнести комплекс с трубами к III—II вв. до н. э. (табл. VII).

Ниже пойдет речь об этих трубах (типология, способ изготовления, связующий материал, протяженность водопроводной магистрали

и другие вопросы), связанные с этим важным открытием (ЭГ—74—587, табл. XXXVII_{1,2}).

177 ЭГ—74—587, 552, 549. (табл. XXXVII₂) I тип. Труба коричнево-глиняная, с хорошо сглаженной поверхностью, круглая в сечении. Головная часть подлежащая впуску в другую трубу, при переходе к тулову образует ступень за счет среза наружного выступа; противоположная сторона, где вставляется головная часть следующей трубы vyplнена чем оставшая часть тулова.

На внутренней поверхности трубы нанесены спиралеобразные полосы, образовавшиеся при наращивании болванки сырой глиной. Поскольку ширина трубы постоянно уменьшается в сторону головы, то становится ясным, что после высыхания глины болванка свободно снималась с тыльной стороны. Таких труб из городища нами выявлено свыше 10 целых экземпляров. Описанный тип труб известен в Северном Причерноморье (Мирмекий), где на основании буквенных начертаний они датируются III в. до н. э. [27, с. 203—205].

Нам известна также из Ванского городища головная часть одной глиняной трубы, безусловно водопроводной, абсолютно сходной с эшерскими [142, с. 274, рис. 25]. Вне территории нашей страны они происходят из Пергам, Приена [147, с. 174], Олинф. Трубы последней близки к Эшерским не только типологически, но в ряде случаев и размерами [149, с. 130, табл. 7в].

178 ЭГ—73—691 (табл. XXXVII₁) II тип. Труба из этой же глины. Типологически она отличается от предыдущих, а именно: конец, подлежащий впуску в другую трубу, суживается без ступенчатого перехода к корпусу и соответственно тыльная сторона не снабжалась внутренним срезом — ограничителем. Что касается технологии изготовления, оно ничем не отличается от предыдущего типа. Найдено 7 труб. Все восстановлены. Следует отметить, что трубы II типа меньше встречаются на памятнике, чем тип I. Масштабы наших работ, проведенных на территории городища не позволяют точно указать где проходила водопроводная линия через городскую стену, был ли водосборочный бассейн — распределитель и как распределялась вода по городу; были ли дополнительно еще водопроводные сети помимо зафиксированных нами двух линий и т. д. Разведочные работы вдоль предполагаемого места прохождения водопроводной линии дают основание считать, что источник воды находился на расстоянии около 1 км. к северо-западу от городища, естественно выше его уровня, откуда наклон спуска и напор воды позволяли нормальное поступление воды в город. Положение труб показывает, что их зарывали просто в землю, иногда подкладывая камни.

Выше шла речь о способе соединения труб, исходя из форм концевых частей. К этому следует добавить, что вне городища в основной магистральной линии места соединения труб дополнительно обмазывались твердым известковым раствором беловатого цвета. К такому способу прикрепления труб прибегали и в ряде малоазийских городов эллинистического времени [147, с. 171].

Кровельные черепицы, — один из самых массовых видов керамических изделий, находимых на городище. Они встречаются в основном в виде обломков, но иногда и целые. Делятся на два типа: плоские (солены) и полукруглые (калиптеры), с явным преобладанием первых, т. е. солен. Удалось целиком восстановить две черепицы.

179 Размеры первой: длина 56,5 см, при ширине 42 см, высота бортика 5,5 см, толщина 2,2 см. В центре знак Т. Поверхность хорошо сглажена, тогда как дно и бока борта выполнены грубо, с песчаными

присыпками. Глина в изломе темно-серая, с включениями блестящих частиц; обжиг равномерный. На расстоянии 15—20 см от верхнего края плиты-борта плавно срезаны и их поверхность постепенно сходит на нет. Все устройство черепицы сделано так, чтобы нижний край вверху лежащей черепицы плотно укладывался в верхний край нижележащей. Происходит из развала башни № 3, раскопанного в 1968 г.

180 Вторая черепица тоже целиком восстановленная, была найдена в помещении «Д». Размеры: длина 56 см, ширина 4 см, высота бортика — 6 см, толщина 5,5 см (табл. XXXVIII_{1,2}).

181 Полукруглые черепицы (калиптеры) встречаются в значительно меньшем количестве. Ширина полукруга по краям ок. 14 см, при толщине стенки 1,5 см. Иногда с внутренней стороны покрываются горизонтальными желобками. Они не имеют никаких специальных деталей для крепления между собой, а соединяются очень просто: передним (широким) концом калиптер накладывается на задний (узкий) конец нижележащего калиптера (табл. XXXVIII_{3,4}).

На обеих черепицах встречаются разнообразные знаки, напоминающие греческие буквы или не совсем ясные знаки, а также вдавлины, выполненные пальцами людей или лап животных, еще до обжига черепиц. О наличии обломков черепиц на Эшерском городище впервые упоминал М. М. Иващенко [39, с. 66]. Более подробно на них остановился Б. А. Куфтин, который интересовался такими вопросами как место и время изготовления подобных черепиц.

Типологически эшерские черепицы повторяют формы черепиц, столь широко распространенных по всей Колхиде в эллинистическое время. В литературе высказана мысль, что местные калиптеры являются подражаниями синопских изделий. В какой-то мере и солены подражают привозным синопским образцам [63, с. 82], хотя загиб бортов, имеющийся в нижней части черепиц, как известно, отсутствует на синопских соленах.

Наличие многочисленных ошлакованных обломков черепиц дает основание полагать, что их изготовляли на территории самого городища. Нахождение черепиц не только внутри городища, но и на развалинах оборонительной стены и башен должно говорить за то, что ими покрывались не только здания, но и оборонительные сооружения (стены, башни).

182 ЭГ—71—149. Наряду с местными черепицами, на городище встречаются также импортные черепицы, главным образом, синопские.

На одной из них имеется клеймо с трехстрочной надписью:

Α Ρ Ι ... Αρ[στοβουλου]

Α Ε Τ ... Αστ[υνο(μου)]

Π Ο Ε Ι ... Ποσ[ειδω(νιο)]

Толщина черепицы 2 см. В надписи идет речь о мастере Поседонии. Дата выпуска, по определению Ю. Б. Шелова, относится к 325—275 г. до н. э.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ, КАМНЯ И МЕТАЛЛА

При раскопках городища постоянно встречались изделия из кости и рога в виде завершенных предметов или сырья. Найденные нами изделия относятся к группе простых предметов, для изготовления которых применяли простые орудия: ножи и частично сверло.

Когда речь идет о техническом уровне оснащения жителей Эшерского городища, с основанием можно говорить и о наличии пилы. Об этом косвенно свидетельствует распиленный костяной полуфабрикат — ручках от кинжала (ЭГ—75—563; ЭГ—76—822; табл. IХ_{6a}).

183 ЭГ—76—659; ЭГ—76—1358; Об употреблении пилы на месте свидетельствуют обнаруженные еще три рога полуфабрикаты с надписями, происходящие в помещении «Д» позднеэллинистического времени (табл. LIX_{7,16,17}).

184 ЭГ—74—425, (табл. LIX₂). Костяная палочка с заостренным концом, отполированной поверхностью. Прямоугольная тыльная часть имеет маленькую выемку. Длина 16,5 см.

Подобные костяные предметы синхронных памятников Северного Причерноморья квалифицируются как стиль (палочка для письма) [8, с. 221—224, рис. 34]. Возможно, что эшерский экземпляр, выявленный в помещении позднеэллинистического времени («Ж») выполнял ту же функцию (ЭГ—74—425; табл. LIX₃), хотя не исключено, что она использовалась в женском туалете, как это мы видим среди памятников IV—III вв. до н. э. Приднепровья [77, с. 178, 248]. К его разновидностям относятся вместе с ним найденная костяная палочка с изломом (ЭГ—74—426, табл. LIX₃).

Заостренные костяные «колушки» частично фрагментированные. (табл. LIX_{4,9a}).

186 ЭГ—75—563 кв. (табл. LIX_{8a}). Костяные планки от ручек, ножей, со сквозными отверстиями.

187 Футлярчик-игольник (ЭГ—73—397, табл. LIX₉) из полый кости с поперечным надрезом для прикрепления или подвешивания к ремню. Подобные костяные поделки хорошо известны в скифо-сарматском мире [100, с. 304].

188 ЭГ—76—130; ЭГ—75—485; ЭГ—74—47—47. (табл. LIX_{6,7}).

Костяные предметы в сечении заостренные колющего назначения.

189 ЭГ—76—197 (табл. LIX₁₄₈) от мелкорогатого скота (косуля?), с надрезами на концах. Заготовка. Слой VI—V вв. до н. э.

190 ЭГ—76, 659, 1576, (табл. LIX_{15,16}). К категории заготовок относятся несколько рогов с частично обработанными концами.

191 Игральные косточки-астрогалы в количестве 13 экз. Встречаются только в эллинистическом слое.

192 (табл. LIX₁₃). Косточки — подвески со сквозными отверстиями, выполнявшие функции бусин (оберег) 4 экз.

193 ЭГ—75—218 (табл. LIX₁₂). Кость-рогаточка от пернатой птицы.

194 (табл. LIX_{13a 18}). Кабаньи клыки. 12 экз. Размер небольшого клыка около 12 см.

Орудия, связанные с рыболовством

На городище зафиксирован ряд археологических предметов, свидетельствующих о занятости населения древнего города рыболовством. К ним относятся:

195 ЭГ—74—578 (табл. LXXI_{1,2}). Бронзовая вила-игла, кругло-проволочная, с роговидными завершениями на концах. Длина — 32 см, дм. проволочного сечения — 0,5 см. Вещь найдена на полу помещения позднеэллинистического времени (Помещение «Ж» ЭГ—74—578 (табл. II).

196 ЭГ—74—578а (табл. LXXI₂). Подобные изделия хорошо известны в античном мире как орудия для плетения рыболовной сети [11а, с. 27, рис. 18]. По материалам краснояцкого поселения эллинистического времени, подобные иглы изготовляли также из железа [110, с. 266, табл. XXIX₂₄].

197 ЭГ—76—1245 (табл. LXXI₃). Прямое отношение к рыболовному промыслу имеет железный рыболовный крючок, слегка деформированный, с одним шипом и заостренной головкой.

Подобные крючки встречаются в ряде памятников Северного Причерноморья [56, с. 208, рис. 91; 84 с. 137, рис. 105, 5].

198 ЭГ—73—436 (табл. LXXI₅). К рыболовной снасти относятся свинцовые предметы в виде толстых свернутых листьев с зазорами. По всей вероятности, ими пользовались при погружении сети в воду. Аналогичные свинцовые грузила найдены в окрестности г. Сочи и экспонируются в археологическом зале местного краеведческого музея.

199 К продукции рыболовов следует отнести остатки от створок меди, обнаруженные в мусорных свалках в количестве 35 штук. Как видно, моллюски являлись признанным кушаньем среди древних эшерцев.

200 (табл. LXXI₂₋₁₆). И, наконец, к рыболовству имеют прямое отношение каменные грузила с выемками на концах.

Гирьки — разновески. За время раскопок на городище выявлены две свинцовые гирьки — разновески.

201 (табл. LXXI₄). Гирька квадратной формы; вес 72,5 гр. Размер $2,2 \times 2,2 \times 2,1$, 5 гр. Найдена в 1975 г. на северо-западном склоне городища, на поверхности табачной плантации. На одной стороне нанесены пять делений.

202. Гирька прямоугольной формы. Вес 29,5 гр. Размер $3,1 \times 1,2 \times 0,8$. На одной стороне нанесены четыре врезных деления, означающие кратность. Найдена в 1976 г. в помещении «Д», расположенном на северо-восточной окраине памятника, между башнями № 1 и № 2. Как известно помещение «Д» функционировало во II—I вв. до н. э., после чего приходит вместе со всем городищем в упадок.

В пользу этого говорят также две медные монеты города Амиса (110—90 гг. до н. э.), найденные там же:

Сопоставляя вес наших гирек с известными весовыми системами, приходим к выводу, что они относятся к позднеаттической системе, чему не противоречит переход малоазийских городов около III в. до н. э. из эгинской на аттическую весовую систему [79, с. 215].

Подобные же гирьки — разновески мы встречаем среди находок в Центральной Колхиде [66, с. 132—133; 46, с. 128, табл. XIII₁;] на Дону (17, с. 68—71, рис. 1) в Крыму (43, с. 143, рис. 54, 47, с. 58, рис. 84, 85).

203 Украшения. К ним относятся пряжки, браслеты, шейные гривны, колокольчики, бусы, перстни — печати и т. д.

Пряжка бронзовая, поясная, сегментовидной формы с крючковой застёжкой с внутренней стороны. Основание пряжки снабжено продольным пазом с пятью сквозными отверстиями, служившими для прикрепления ремня и подвешивания цепочек.

Лицевая сторона украшена тремя зигзагообразно нанесенными линиями.

Высота — 5,8 см, ширина у основания — 8,2 см. Хотя вещь найдена в эллинистическом слое, но она могла попасть в результате нарушения нижних слоев ЭГ—74—194 (табл. LXXII₁). Подобные пряжки неоднократно встречались в могильном инвентаре краснояцкого могильника и по мнению М. М. Трапша они характерны особенно для Абхазии и представляют местную особенность Абхазской бронзы VIII—VI вв. до н. э. [110, с. 200].

204 Шейные гривны. Все они связаны с разрушенными погребениями, в результате чего оказались перемещенными в культурных слоях.

Гривна круглопроволочная с сильно стилизованной зооморфной головкой. Дл. ок. 15 см, толщина проволочного сечения — 0,5 см, зазор

между головками 8,5 см. Происходит из погребения второй половины IV в. до н. э. [124, с. 99]. Интересно отметить, что такие же зооморфные головки встречаются и на бронзовых браслетах из могильника Гуадику [110, с. 66, 67, табл. III₅₉].

205 ЭГ—76—224 в (табл. LXXII₃). Шейная гривна из разрушенного погребения, расположенного в 100 метрах к северо-востоку от городища. Она состоит из раскрученной проволоки со сплюснутыми, ромбовидной формы головками, переходящие в проволочные крючки. Последние украшены чеканно выполненными зигзагами. Дм. гривны — 15 см;

Абсолютно такой же формы браслеты известны из вышеуказанного могильника V—IV вв. до н. э. Гуадику, а также из Северного Кавказа (Нестеровский могильник) [1, с. 284, 285, рис. 48, 33].

206 ЭГ—75—430а, (табл. LXXII₄). Головка пластинчатой, бронзовой, видимо, шейной гривны с гравированным орнаментом, состоящим из кружочков, елочек и т. д. Ближайшую аналогию мы встречаем опять-таки на могильнике Гуадику [110, с. 29, табл. III₁₄].

207 ЭГ—76—224 в (табл. LXXII₅). Фрагмент гривны с проволочным крючком на конце. На основании погребального инвентаря из Гуадику, следует датировать V—IV вв. до н. э. [110, с. 31, табл. III₅].

208 Браслеты Бронзовые. (табл. LXXIII₁). Браслет массивной формы круглопроволочный с разомкнутыми концами, украшенные зооморфными головками, елочками, косыми насечками и т. п. Случайная находка. К его разновидностям относятся круглопроволочные браслеты с такими же зооморфными головками, но меньших размеров, выявленные в различных слоях эллинистического времени городища (табл. LXXIII_{2,7}), относящиеся к V—IV вв. до н. э. Они известны и из других районов Абхазии [70, табл. LXXIII₂].

209 ЭГ—74—569 (табл. LXXXIII₈). Браслет круглопроволочный, с поперечными надрезами из отдельных звеньев, головки не сомкнуты. По аналогиям из других погребений могильника Гуадику, в сопровождении аттических скифосов, случайно обнаруженный нами браслет следует отнести к V—IV вв. до н. э.

210 (табл. LXXXIII₉). Браслет круглопроволочный, с уширенными пластинчатыми концами, украшенные врезными кружочками, полуромбиками с пластинчатыми концами. Такой же браслет выявлен на Красномаяцком могильнике (погребение 12), хорошо датируемое концом V в. до н. э. [110, с. 227, табл. XXXIV], а также из Эжнепла (Верхняя Эшера) [70, табл. XXVI₃].

211 (табл. XXIII₁₂). Браслет с прогнутой круглопроволочной спинкой, с заходящими друг на друга головками.

Для абсолютной их датировки следует прибегнуть к погребальному комплексу [39] из Красного маяка, где они на основании флакончика и амфор датируются около III в. до н. э. [110, с. 284, табл. XI]. А еще раньше подобные же браслеты были известны из холма Верецагина [59, с. 46, рис. 13].

212 **Хозяйственные орудия.** ЭГ—75—225 (табл. VIII₂₋₅). Зернотерки, 15 экз. Почти все фрагментированы. Делятся на два типа: ладьевидные и плоские. Первые имеют понижение поверхности от края к центру, что связано с трением терочника по зернотерке вперед и назад, по всей поверхности трением.

Как уже давно установлено, этот вид зернотерки бытовал еще с эпохи раннеземледельческих культур и поэтому, видимо, их следует отнести скорее к поселению доантичного времени, хотя известно, что ими пользовались и в последующие времена. Их изготовляли из плотных

булыжных камней. Плоскоплиточные зернотерки с широкими краями, засвидетельствованные в эллинистических слоях, как это мы видим и на других синхронных памятниках исторической Колхиды [110, с. 321, табл. XLII_{18,63}] и Северного Причерноморья [14, с. 135, рис. 58].

213 ЭГ—75—943. Верхняя часть круглой каменной ступы, внутренняя поверхность которой отделена взаимно пересекающимися желобками для растирания зерна. Сбоку имеется прямоугольное углубление (3,2 см) с дополнительным подтесом, видимо, для глухого закрепления. Высота — 17 см, при ширине ок. 50 см.

Жернов-толкач из зернистой породы буроватого цвета гранита прямоугольной формы.

214 ЭГ—57—391 (табл. LVIII₁). Верхняя часть имеет равностороннее конусообразное углубление для засыпки зерна, а на дне продольное отверстие, через которое зерно поступало в нижний жернов для помола. На противоположных концах сделано по одному пазу, служивших местом закрепления горизонтальной ручки. Под одним из этих пазов выбито дополнительное гнездо глубиной 3 см, являвшееся видимо местом крепления к стене. Нижняя поверхность жернова покрыта косыми и прямыми бороздками для растирания зерна. Тип этого жернова а также способ обращения с ним довольно хорошо известен в археологической литературе [14, с. 136—139; 341, с. 100; 25, с. 99, рис. 9]. Длина 44,5 см, ширина у основания 31,5 см, у вершины — 28 см, при высоте 12 см. Жернов найден в 1967 г. в нижней части городища при вспашке поля. Сопровождающий материал не позволяет отнести его ко времени позднее II—I вв. до н. э. Найдены еще две фрагментированные от нижней (недвижимой) части жернова ЭГ—72—1—546 (74—563).

215 ЭГ—75—311 (табл. LVIII₁). Бронзовая сечка или сегментовидный предмет, происходящий из пола помещения «Д» позднеэллинистического времени. Высота 11,5 см, ширина рабочей части — 12,5. По вопросу функционального назначения подобных предметов нет единого мнения среди ученых. Одни считают их мотыжками для взрыхления зольной почвы [117, с. 179], или для снятия коры с деревьев [119, с. 293], другие полагают, что сечки — это специализированные орудия [107, с. 49] кожевника и за последнее время высказано, что тип интересующего нас орудия служил в качестве меновой системы в эпоху поздней бронзы и раннего чекана до появления в Колхиде монет местного чекана [64, с. 5—14]. Попадание этого предмета в столь поздние слои, на наш взгляд, следует объяснять тем, что при строительстве помещений эллинистического времени, в том числе помещения «Д» на городище, происходили значительные земляные работы, перемешавшие наиболее ранние слои с более поздними, хотя не исключено, что вещь попала в помещение при случайных обстоятельствах.

216 ЭГ—71—659 (табл. LVIII₂). Мотыги 3 экз. Однотипные. Лезвие дуговидной формы с покатыми плечиками, круглой втулкой, трубчатым выступом вовнутрь и соответственно с этим имеет вогнутость с наружной стороны. Два из них — найдены в эллинистическом слое вместе с серповидным железным ножом III—II вв. до н. э. (табл. LVIII₄) и массивным топором (табл. LVIII₃), третий экземпляр в таком же слое недалеко от них. Размеры малой мотыги выс. 10,5 см, ширина — 17 см, дм. втулки — 2,2 см (ЭГ—1—659); большой мотыги высота — 13,5 см, ширина — 31, см, дм. втулки — 3 см [57, с. 79]. Типологически они восходят к местным бронзовым мотыгам. Абсолютно такой же формы железные мотыги известны десятками из могильни-

ков Нигвзиани, датируемые VII—VI вв. до н. э. [75, с. 37, р. 3,5—8]. Как видно, эта форма мотыжек бытовала и в последующие века.

217 ЭГ—77—659 (табл. LVIII₃). Топор рабочий с прямой лобной частью, со свисающим подбородком, плоским, 4-угольной формы обухом и почти прямоугольной втулкой; с внутренней стороны выделяются насечки, выполняющие защитную функцию от удара. Длина 24,5 см, ширина лезвия — 13,5 см. Верхняя часть лезвия слегка деформирована от пребывания на огне. Ни одно из перечисленных орудий не носит на себе следы употребления в быту, поэтому, видимо, они принадлежали ремесленнику — кузнецу, внезапно подвергшемуся пожару, имевшему место скорее всего, при разрушении оборонительной стены.

Ножи. Оружие из городища нам известно 15 целых или частично фрагментированных ножей. Как правило, они железные и в большинстве случаев связаны с хорошо датированными комплексами эллинистического времени.

218 ЭГ—72 (табл. LX₁). Ножи с изогнутой спинкой и клиновидной формой черенком. Конец острия плавно суживается. Длина около 13 см, наибольшая ширина лезвия — 24 см. Извлечен из грунтового погребения (№ 5), надежно датированного чернолаковым кувшинчиком и синопской серебряной монетой III в. до н. э. [123, с. 131, 132].

219 ЭГ—72 — погреб. 5 (табл. LX₂). Нож предыдущего типа с серповидной формой изгиба спинки. Частично фрагментирован. Длина около 10 см, наибольшая ширина лезвия — 25 см.

220 ЭГ—72—4 (табл. LX₃). Нож с короткой рабочей частью, прямой спинкой и клювовидным острием. Лезвие сильно изношено. Длина ок. 10 см. Максимальная ширина лезвия 2 см. Входит в погребальный комплекс № 4 с инвентарем III—II вв. до н. э. [123, с. 129].

221 ЭГ—72—2 (табл. LX₄). Нож с изогнутой спинкой. На черенке сохранился обломанный гвоздь для насадки ручки. Длина ок. 13 см, ширина лезвия 15 см, найден на южной площадке городища в погребальном комплексе эллинистического времени.

Подобные ножи известны из могильника эллинистического времени Дабла-Гоми [60, с. 3, табл. 11₃].

222 ЭГ—72—36 (табл. XL₆). Нож с менее изогнутой спинкой. На черенке — отверстие для гвоздя, скреплявшее обкладку ручки. Сохранность хорошая. Длина 11,5 см. Ширина лезвия — 2 см. Найден в культурном слое позднеэллинистического времени на верхней части городища.

Все перечисленные ножи не являются особенностью для данного региона. Типы этих ножей представлены на многих памятниках Закавказья с эпохи раннего железа, получившие наибольшее распространение в эллинистическое время [59, табл. V₁₀; 110, с. 55; 75, с. 37, рис. 3, 4]. Говоря о функциональном значении ножей с изогнутыми спинками, необходимо отметить, что о них существуют различные мнения у исследователей. По предположению Б. А. Куфтина, их могли употреблять садоводы [59, с. 40]. Это высказывание получило поддержку и со стороны некоторых исследователей [115, с. 86]. Не отрицая хозяйственный характер, в то же время они могли иметь более широкое значение. Во всяком случае, присутствие их в погребальных комплексах сильно военизированных племен второй половины I тыс. до н. э. в окрестностях Сухума не противоречит тому, что они входили в арсенал вооружения. В пользу этого говорит тот факт, что в одном из погребений Гуадику тип интересующего нас ножа находился в моги-

ле воина, где он был воткнут острием в землю, подобного копьям. [110, с. 28].

Нож и кинжалы. К разновидностям ножей следует отнести несколько своеобразных экземпляров в виде кинжальчиков. К ним относятся:

223 ЭГ—74—168 (табл. LX₇). Ножевидный кинжальчик, с заостренным клинком, напоминающий круторогое животное (баран?). Длина 10 см, максимальная ширина лезвия ок. 2,5 см. Найден в слое пожара позднеллинистического времени на верхней части городища.

Металлографический анализ показывает, что клинок ножа целиком откован из среднеуглеродистой стали. Качествоковки хорошее. (Анализы проведены канд. историч. наук Бгажба О. Х.).

224 ЭГ—74—168 (табл. LX₈). Ножевидный кинжальчик с вытянутой спинкой. Конец изогнут и заострен. Клинок увенчан двумя валюгами, очень напоминающими образцов скифских мечей [93, с. 192]. Длина — 16,5 см, ширина — 1,6 см.

225 ЭГ—73—281 (табл. LX₉). Нож-кинжал, с когтевидным навершием, с прямой спинкой, обломанным концом. Рукоять снабжена зацепкой для крепления ручки. Длина сохранившейся части — 13 см, ширина — 1,5 см. Найден на северо-западном углу помещения «Д» позднеллинистического времени. Следует отнести к кинжальчикам скифского типа, имитирующие когти хищной птицы [114, 173, рис. 65, 1].

Мечи. Из городища происходят 5 экз. Два из них найдены в погребении, остальные на поверхности памятника. Среди них один бронзовый, остальные железные.

226 ЭГ—72—657 (табл. LXI₁). Рукоять бронзового кинжала с бабочковидным навершием (частично фрагментирована). Покрывается патиной. Найден во время прополки табака. По форме следует отнести к кинжалам скифского типа из Гагра [109, с. 194, рис. 20 77а, табл. 17] и Сухума [110, с. 57, табл. 11₁₂], относящиеся к VI—IV вв. до н. э.

227 (табл. LXI₂). Меч с брусковидным навершием. Сохранился плохо, но видимо он имел бабочковидное перекрестье.

Длина сохранившейся части — 45 см. Обнаружен на пашне. Ширина лезвия — 5,6 см. Типологически наш кинжал следует отнести к мечам, бытовавшим в V—IV вв. до н. э. [94, с. 12, рис. 1, 6; 77 а, с. 53 табл. 13; 86, с. 42, табл. 33₁₋₄].

228 ЭГ—72—325. Меч с прямым навершием. Длина 61 см, ширина лезвия 47 мм. Происходит из грунтового погребения второй половины IV в. до н. э. [124, с. 102; табл. XI₉].

229 Меч-махайра, полукольцевидной формы навершием. Длина 42 см, наибольшая ширина лезвия — 4,7 см. Найден вместе с предшествовавшим мечом (№ 3), т. е. датируется второй половиной IV в. до н. э. Аналогии широко представлены на памятниках эллинистического времени и в Северном Причерноморье [140, с. 446, рис. 131₃]).

230 (табл. LXI₃). Рукоять меча с овально — кольцевым навершием. Ширина рукояти ок. 3 см, ширина кольца 7,5 см. Обнаружен у фундамента помещения позднеллинистического времени (ЭГ—76—235).

Как известно, мечи с кольцевым навершием относятся к кругу сарматского (точнее среднесарматского) вооружения [102 а, с. 143, табл. IV₃] и с учетом всего комплекса наш меч датируется временем не позднее III—II вв. до н. э.

Топоры. 7 экз. Железные. Все в хорошей сохранности. Из них два из погребения, остальные из культурных слоев.

231. Топор с молоточковидным обухом, сегментовидной формы лезвия и несколько ассиметрично. Длина — 17 см, ширина лезвия — 11 см,

насадонное отверстие — $2,5 \times 3,5$ см. Найден в надежно датированном погребении с аттическими чернолаковыми сосудами второй половины IV в. до н. э. [124, с. 103, табл. I₁₁].

По многочисленным аналогиям, происходящим из датированных погребений, подобные топоры имели широкое распространение в вооружении местных племен V—IV вв. до н. э. [110, с. 60].

232. Боевой топор с короткой четырехгранной молоточной боевой частью, плоским обухом и прямой лобной частью. Длина — 14 см, ширина лопасти — 6 см, длина проушины — 3,5 см, ширина лезвия — 0,5 см. Происходит из кремационного погребального комплекса второй половины IV в. до н. э. (табл. LXII₄). Очень близкие топоры — секиры известны из красномаяцкого могильника V—IV вв. до н. э. [110, с. 112, 113, табл. IX₆].

233 ЭГ—77—25 (табл. LXII, рис. 5). Топор-секира с округлым обухом, овальной формы, втулки со свисающей лопастью лезвия. Длина корпуса — 16 см, втулка 2,5—3,5 см, ширина лезвия — 15 см.

234 ЭГ—73—670 (табл. LXII₆). Второй экземпляр выявлен в 15 метрах к северо-востоку от городища, при расширении проселочной дороги.

Хотя оба топора без комплексов, но сравнительный материал могильников древнего Сухуми позволяет датировать IV в. до н. э. [41, с. 96, табл. VIII; 110, с. 250, табл. XXXIII_{6,7,11}].

235 (табл. LXII₇). Топор-секира с широкой дуговидной выступающей лопастью лезвия, округлой проушиной и ровной обухной площадкой. Длина лезвия — 14 см, высота — 12,5 см. Происходит из датированного погребения (чернолаковый кувшинчик, флакон, синопская серебряная монета и т. д.) III в. до н. э. [123, с. 130, табл. III₆].

236. (табл. LXII₄). Топор со свисающей лопастью лезвия, с изогнутой лобной частью, почти прямоугольной формой проушиной. Найден в 200 метрах к северо-востоку от городища в кремационном погребении IV в. до н. э.

Наконечники копий. Среди боевого оружия наступательного значения городища имеются семь железных наконечников копий 4 посоха или подтока. Происходят они из погребений и культурного слоя эллинистического времени. Небезынтересно отметить, что копья из погребений, за редким исключением, в хорошей сохранности, а копья из культурных слоев в плохой сохранности и в лучшем случае сохранились лишь втулки.

237 Копье с вытянутой листообразной формой пера; в разрезе ромбовидный; круглая втулка снабжена боковым прорезом. Длина ок. 30 см, ширина пера 5,4 см. Найден в грунтовом погребении № III в. до н. э. [123, с. 130].

238 ЭГ—73—468 (табл. LXIV₂). Наконечник копья с отбитой втулкой. Клинок в сечении приближается к плоскоовальной форме. Случайная находка.

Типологически близко стоит к копьям V—IV вв. до н. э. Из того же села Эшера [124, с. 110, табл. I_{12,13}], и окрестностей Сухуми [11, с. 178, табл. XXI₈].

239 (табл. LXIV₃₋₇). Наконечники копий, точнее втулки 5 экземпляров. Из них копье № 6 найдено в хорошо датированном погребении III в. до н. э. [123, с. 127, 128].

Поскольку и другие втулки мало чем отличаются от копья № 6, то нужно полагать, что все рассматриваемые экземпляры эллинистического времени.

240 (табл. LXIV₈₋₁₁). Наконечники из посохов или подтоки 4 эк

Один из них (№ 8) происходит из датированного погребения, остальные из культурного слоя.

241 (табл. LXIV₈). Наконечник копья с боковым прорезом и с плавным сужением в нижней части, конец притуплен от длительного использования по назначению. На основании погребального комплекса вещь следует датировать III в. до н. э. [123, с. 130].

Наконечник посоха миниатюрной формы с отверстием на одной стороне для гвоздя. В отличие от предыдущего экземпляра не имеет продольного разреза. Конец притуплен. ЭГ—76—689 (табл. LXIV₁₁).

243 ЭГ—74—277 (табл. LXIV_{9,10}). Наконечник копья круглой втулкой и четырехгранной боевой частью, конец заострен. Два экз. Один из них имеет продольный разрез. Размеры колеблются от 11 см до 13 см.

Они от предыдущих наконечников посохов отличаются тем, что концы граненые и острые, стало быть служили колющими орудиями, скорее всего своеобразными наконечниками копий, имевшие некоторое распространение среди археологических комплексов Абхазии с эпохи раннего железа [110, с. 57, табл. II_{5,7}], включительно последующие времена.

Наконечники стрел и дротиков. Среди метательного оружия наиболее массовыми являются наконечники стрел из дротиков. Все они железные и связаны с эллинистическим слоем 108 экз. По способу изготовления мы их делим на две группы: втульчатые и черешковые.

Втульчатые наконечники стрел или дротики

244 ЭГ—77—19. Трехперый наконечник стрелы с короткой втулочкой. Относится к известным типом скифских стрел V—IV вв. до н. э. 2 экз. (табл. LXV₁).

245 ЭГ—72—781 в (табл. LXV₂). Стрела с сильно вытянутой четырехгранной боевой частью. Втулка с продольным прорезом. Длина — 5 см. Аналогия известна из эллинистического слоя Ванского городища [63, табл. II, рис. 1].

246 ЭГ—73—285 (табл. LXV₃). Дротик с короткой 4-х гранной боевой частью.

247 ЭГ—71—470 (табл. LXV₄). Дротик предыдущего типа, втулка с продольным разрезом как у наконечников копий.

247 а ЭГ—75—642 а (табл. LXV₅). Наконечник дротика с вытянутой боевой частью. Длина — 6 см. Ширина втулки — 1,4 см.

Черешковые стрелы. 92 экз. Кованы, все они из позднеэллинистического слоя, использованные при разрушении северной оборонительной стены вместе с башней № 1. Остановимся на некоторых из них.

248 ЭГ—77—16 (табл. LXV_{9,10}). Стрела двухшипная с выемками у основания, с четырехугольной формой стержнем, изогнутым концом. Боевая часть в сечении прямоугольная. 2 экз. Металлографический анализ одного из них показывает, что наконечник откован из чистого железа, на основу которого было вварено стальное острие. Углерод составляет 0,8—0,9%. Сварочные швы чистые и тоньше. Металл железа загрязнен шлаками.

249 ЭГ—72—48 (табл. LXV₁₁). Стрела двухшипная, боевая часть в сечении плоскоовальная. Стержень прямоугольный, с заметным наплывом посредине и изогнутым концом.

Вариантами этой стрелы являются:

250 ЭГ—72—4816 (табл. LXV₁₂). Стрела подтреугольной формы пера. Конец стержня в сечении прямоугольный и имеет незначительный изгиб.

251 ЭГ—75—503 а; ЭГ—77—18 (табл. LXV_{14,15}). Стрела симметричной боевой частью. Круглый стержень при переходе к концу принимает форму четырехугольника в сечении.

Абсолютно такой же формы железные наконечники стрел найдены в Гарни и датируются III—II вв. до н. э. [115, с. 112—113]. По форме пера интересующие нас стрелы имеют генетическую связь со специфической формой [133, с. 13, табл. XV₄] местных бронзовых наконечников стрел общекавказского характера, в свою очередь связывающихся с кремневыми наконечниками стрел, как это полагали Е. И. Крупнов и Б. Б. Пиотровский [61, с. 284].

Небезынтересно отметить, что почти такой же формы наконечники стрел с уплощенным сечением пера и черешка встречаются среди памятников раннежелезной эпохи Поволжья [114, с. 215, рис. 79₁₅].

252 ЭГ—73—421 (табл. LXV₁₆). Трехперый наконечник стрелы с отбитым черенком сарматского типа.

Подобные железные стрелы постоянно входят в скифо-сарматское вооружение с IV в. до н. э. [95, с. 331, рис. 37₂₂; рис. 41₇]. Известны они из Вани [63, с. 137, табл. XV₆].

253 ЭГ—73—42 а (табл. LXV₁₇). Черешковый наконечник стрелы, почти одинаковых размеров пера и черешка.

254 ЭГ—73—388 (табл. LXV_{18,19}). Четырехстержневая стрела с уплощенными и заостренными концами. Длина одного стержня составляет ок. 3 см, 3 экз. Все однотипны.

В специальной литературе тип этого маловстречающегося и малозаметного предмета имеет название «чеснок» или «зубцы каракулей», употреблявшиеся в сражениях против конницы и пехоты. Ими пользовались и в средневековье [51—52; с. 158, рис. 12].

255 ЭГ—71—18 а (табл. LXVI₄). Часть футляра от бронзового листа, с двумя горизонтальными желобками в виде ножны. Происходит из эллинистического слоя.

256 (табл. LXVI₁). Обивка из бронзового листа в виде полукруга с свернутыми краями и сквозными отверстиями для гвоздей. Судя по конфигурации находка является второй половиной от вытянуто овальной формы щита. Вещь найдена в сильно помятом виде в свалке эллинистического времени, где содержались обломки черепиц горшков, пиросов и т. д. По своей форме Эшерская находка напоминает шиты часто встречаемые на эллинистических памятниках Северного Причерноморья [88, с. 205—213].

257 ЭГ—76—2032 (табл. LXVI₂). Круглый листовой бронзовый предмет из того же материала, что и вышеописанный щит.

258 ЭГ—76—1640 (табл. XVI₃). Свинцовая обивка дуговидной формы, видимо от какого-то деревянного предмета. Вещь частично фрагментирована (ЭГ—76—1640).

259 ЭГ—75—194 а [863, табл. LXVI₄]. Бронзовые чешуйки от панцыря с отверстиями для скрепления, 2 экз. По своим размерам они очень повторяют формы бронзовых чешуек от панцыря, обнаруженные на Ванском городище, датируемые V—IV вв. до н. э. [64, 183, рис. 153⁷ и Приднепровья [120, с. 150, рис. 67]. Встречаются и среди погребального инвентаря савроматских воинов, V—IV вв. до н. э. [95, с. 75 рис. 42₃].

Гвозди. За время раскопок на городище выявлено значительное количество бронзовых и железных гвоздей, служившие крепежными деталями в деревянном строительстве и деревообделочном деле. Они имели применение при изготовлении сундуков, шкатулок, саркофагов и т. д.

В одном случае гвозди найдены в позднеэллинистическом погребении, куда они попали вместе с деревянным гробом, хотя остатки от дерева не сохранились.

Бронзовые гвозди 27 экз. По своим размерам условно мы их делим на большие (строительные) и малые (или обивочные).

260 ЭГ—75—2099; ЭГ—74—278; ЭГ—76—239 (табл. LXVIII_{2,3,10}).

Строительные гвозди (табл. LXVIII₁₋₁₀) или большие; размеры их колеблются от 5—6 см, до 11—12 см, по форме стержня бывают круглыми и четырехугольными. К круглым стержневым относятся 3 экз. причем один из них (табл. LXVII₁) имеет плоскую головку, остальные — грибовидные (табл. LXVII₂₋₁₀).

261 (табл. LXVII_{2,4-9}). Гвозди с четырехгранными стержнями. Как правило, они имеют округлые головки типа Северо-причерноморских [15, с. 75, рис. 23₁₀], за исключением одного экземпляра с слабо дифференцированной головкой (табл. LXVII₈).

262. Обивочные или миниатюрные гвозди 6 экз. Размеры наименьшего 0,7 ЭГ—76—2030^a, наибольшего — 1,8 см, ЭГ—76—1683 (табл. LXVII₁₁₋₁₆).

Головки у них плоские и очень широкие, составляя 2/3 длины стержня. Все они исключительно четырехугольные. Как установлено, подобные изделия были известны как обивочные гвозди, употреблявшиеся при изготовлении деревянных шкатулок, саркофагов и т. д. [101, с. 116, рис. 102, с. 95, 111].

263 ЭГ—73—350; ЭГ—73—351; (табл. LXVII_{17,18}). Эшерские обивочные гвозди происходят из пола помещения позднеэллинистического времени. О том, что они могли принадлежать шкатулкам или саркофагам не противоречат найденные там же бронзовые круглопрофильные ручки и петелки.

264 ЭГ—76—1684 (табл. LXV₂₂). Среди бронзовых мелких гвоздей встречаются скрепки с клепками для спаривания отдельных бронзовых листов (табл. LXVII, 19 а, б), накладки четырехугольной формы из бронзовых листов с петельком по середине и железным язычком, видимо от сундука. (ЭГ—76—1640). Двухсоставная петля тоже от сундука или шкатулки. Оба происходят из помещения позднеэллинистического времени нижней части городища.

Железные гвозди 107 экз. здесь мы делим их на большие и малые гвозди. Стержни бывают четырехгранные и круглые. По форме головок они делятся на три вида:

265 ЭГ—75—434 (табл. LXVIII_{1,2}). Гвозди с фигурными головками.

266 ЭГ—74—473 б (табл. XVIII_{6,8,9}). Гвозди с округлыми головками.

267 (табл. LXVIII_{21,23}). Гвозди — костыли, 27 экз.

Все они происходят из эллинистического слоя в развалах между башнями № 1 и № 2. Среди них два гвоздя табл. LXVIII_{19,24}) найдены в грунтовом погребении № 5 III в. до н. э. [123, с. 130].

268. Железный костыль аналогично Эшерскому выявлен среди погребального комплекса III—II вв. до н. э. в Квирильском ущелье [80, с. 30] и Вани [143, рис. 142]. Известны также из Каменского городища эллинистического времени [31, с. 66, табл. 1₉].

269 (табл. LXVIII_{13,17}). К железным гвоздям малых размеров от-

носятся пять экз. некоторые из них могли быть использованы как обивочные гвозди.

Далее, говоря о крепежных деталях деревянных частей, интерес представляет железный предмет ЭГ—73—350 а (табл. LXVIII₂₆) с заостренными концами. Возможно, что эта деталь являлась ручкой типа сундука подобно ольвийским находкам [84, с. 56, рис. 64].

270. К орудиям повседневного домашнего обихода относится железный ключ с четырьмя зубцами и круглым отверстием на конце. Найден у правого крыла башни № 3 позднеэллинистического времени.

271 ЭГ—71—325 (табл. XVIII₂₂). Такой железный ключ происходит из позднеэллинистического слоя Ванского городища [63, с. 137]. Известно и из Тамани [103, с. 114, 115, рис. 43₁].

272 ЭГ—74—573 (табл. LXIX₃). Значительный интерес представляет витой железный стержень с обоюдоострыми концами, четырехгранный в сечении.

ЭГ—74—573. Вместе с гвоздями встречаются обломки отдельных железных орудий, как например:

273 ЭГ—73—959 (табл. LXXVIII₂₅). Железный пробойник являющийся столярным инструментом. 274 (табл. LXX₁₋₄). Железные накладки — скобы употреблявшиеся для поддержки черепиц. Многочисленные аналогии мы встречаем в позднеэллинистических комплексах Ванского городища [142, № 100; 143].

Шилья 3 экз. Два бронзовых и одно железное. Слой эллинистический.

275 ЭГ—73—426 (табл. LXXI₆). Бронзовое шило четырехгранное, насадочная сторона туповатая, а рабочая часть заострена.

276 ЭГ—72—435 (табл. LXXI₉). Игла из бронзы с частично отбитым ушком. По форме почти не отличается от предыдущей костяной иглы.

Такой же формы игла найдена в Ольвийском некрополе эллинистического времени [84, с. 137—138. Рис. 105₁₈].

278 ЭГ—71—477 (табл. LXXI). Железная игла круглопроволочная с едва заметным уширением ушки. Сохранность хорошая. Типологически восходит к иглам эпохи раннего железа Прикубанья [4, с. 187, рис. 14]. Приднепровье [31, 113. табл. XIII₁₀] и Молдавии [78, с. 30, рис. 12].

Среди находок на городище имеется 7 штук заостренных бронзовых и железных обломков, которые могли принадлежать шилам и иголкам, хотя трудно установить именно какому виду из них принадлежит тот или иной обломок. Возможно, что некоторые из них являются стержнями от булавок.

279 ЭГ—74—457 (табл. LXIX_{1,2}). Ножницы пружинные или т. овеций. Они состоят из цельного железного листа, с двумя лезвиями и округлой ручкой. Последняя при переходе к лезвию образует тупой угол. Спинка лезвия имеет изгиб внутри. Частично фрагментирована. Найдены в нижней части помещения позднеэллинистического времени. Аналогии нам известны и из других районов Абхазии. [21 а, с. 4; Армении [115, с. 85, рис. 29₄]. Подонья [5, с. 137. табл. II₁], Западного Причерноморья [139, с. 318, 1086]. Пружинные ножницы имели широкое применение на эллинистических поселениях Украины, Галыш Волачка [9, с. 121. табл. 4, 5].

280 ЭГ—454 (табл. LXIX₁). Часть ножницы предыдущего типа, меньших размеров. Слой эллинистический. Сохранилась лишь одна лопина ножницы.

281 ЭГ—76 (табл. LXXIV₂). Булавка круглопроволочная с шес

схатной головкой и суженной шейкой, украшенной горизонтальными поперечками. Имеет сквозное отверстие для продевания тонкой нитки-цепочки. Подобные булавки имели широкое распространение на юге нашей страны в предскифское и раннескифское время [78, с. 29, 30, рис. 12]. Сохранность хорошая. Найдена в эллинистическом слое, хотя она могла попасть из нижнего слоя. Они имели широкое бытование по всему Закавказью [58 а, с. 42 рис. 39₅].

282 ЭГ—73—478 (табл. LXXIV₃). К разновидностям этого украшения относится булавка круглопроводочная, украшенная поясковидными наплывами. Так же как и на предыдущем экземпляре имеется отверстие. Найдена в эллинистическом слое.

283 ЭГ—73—412 (табл. LXXI₄). Два фрагмента от бронзовых булавок. Один круглой формы стержня другой очень длинный и четырехугольный в сечении ЭГ—73—476 б (табл. LXXIV₅). Оба из эллинистического слоя.

284 ЭГ—76—524^б (табл. LXXIV₆). Бронзовый стержень с однородным продольным орнаментом в виде змеиного тулова.

Такой же бронзовый браслет происходит из левобережного могильника у Бешташенской крепости вместе с раннеэллинистическими материалами [58 а, с. 42, рис. 39₄].

285 ЭГ—74—582 (табл. LXXIV₈). Серебряная булавка круглопроводочная, с утолщенно и скрюченной головкой. Эллинистический слой, верхняя часть городища.

Как видим, среди рассмотренных булавок городища есть образцы характерные как для общекавказской культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа, а также булавки, отлитые в мастерских древней Абхазии.

286 (табл. LXXIV₉). К категории украшений относятся бронзовые цепочки от двух разновидностей, зафиксированные в эллинистическом слое. Одна из них состоит из 8 звеньев, другая — 15. Подобные бронзовые цепочки происходят из разрушенных погребений Бамборской поляны [70, табл. XX₈].

Серьги, найденные на городище, изготовлены из бронзы и серебра. Происходят из погребений и культурных слоев.

287. Бронзовые. Серьга круглопроводочная, с несомкнутыми концами (табл. LXXV₁₀) есть и плоские (табл. LXXV_{11,13}). Все эллинистического слоя.

288. Серебряные. Серьга круглопроводочная с надрезами на концах. Такие же серьги встречаются во многих памятниках эллинистического времени исторической Колхиды [50, с. 61, рис. 6_{3,6}]. Некоторые из них цилиндрической формы трубочками с нависающими на них шариками [123, с. 131, 132].

289 ЭГ—75—421 а (табл. XXV₁). Предметы из бронзовых пластинок. К украшениям относятся своеобразные подвески с отверстиями в середине и четырьмя ответвлениями 6 экз. Найдены в разрушенном погребении, что расположено на территории башни № 1. Условия нахождения показывают, что комплекс которому принадлежали данные украшения был разрушен при строительстве башни II—I вв. до н. э. Такие предметы известны из погребения № 21 Красномаяцкого могильника [110, с. 100, 101, табл. VII_{19,21}], относящиеся к V—IV вв. до н. э., а также в виде литых тройничков из Бамборской поляны [70, с. 65].

290 ЭГ—76—187⁷ (табл. LXXI_{9,10}). Бронзовая ворворка полусферической формы с отверстием по середине. Как известно, ворворки применялись для крепления узлов уздечки, которыми украшали сбрую, кол-

чан, меч; надевали также на концах ремней, стягивавших панцырь и пояс. Ворворки интересующего нас типа были известны в Колхиде [100, с. 51, рис. 5], Приднепровье [86, с. 41, табл. 32₈], Поволжье [94, с. 153, рис. 51₄].

291 ЭГ—71—283 (табл. LXXV₁₈). Спицеобразный бронзовый предмет трубчатой формой стержнем каждый, который увенчан по одной шишечкой.

По форме это украшение напоминает внутреннюю часть колесиковидной бляшки из Ванского городища [143, рис. 50]. В качестве параллели можно привлечь находку из среды савроматской культуры V в. до н. э. [95, с. 317, рис. 24₆].

Бусы. На территории городища выявлены разнообразные бусы — подвески, главным образом из могильника III—II вв. до н. э. [123, с. 127], но есть бусы и из культурных слоев в целом эллинистического времени. К ним относятся бронзовые бусы бочонкообразной формы (табл. LXXV₂₃).

292. Одна шестигранная бусина из синего стекла, которая абсолютно сходна с бусиной из мавзолея Неаполя скифского позднеэллинистического времени [91, с. 170, рис. 38₉] стеклянной пасты (полосатая) (табл. LXXV_{20,21}), мозаичная (табл. LXXV₂₄), глазчатая (табл. LXXV₂₆) и др.

293 ЭГ—73—228 (табл. LXXV₄). Фигурка подвеска из сине-голубого стекла. Правой рукой держит подбородок. Отдельные части тела подчеркнуты. Высота 2,8. Подобные фигурки — подвески являются продукцией эллинистического времени Египта и две из них найдены на могильнике Гуадику. [110, с. 254, табл. 15—16].

294 ЭГ—71—476 (табл. LXXV_{29,31}). Ромбической формы три свинцовых листа. Размеры наибольшего: длина — 13 см, ширина — 3,6 см, наименьшего — 5,5 см, при ширине — 2 см. Условия их залегания позволяют считать, что они были связаны с разрушенным погребением при строительстве оборонительной стены позднеэллинистического времени. Как уже давно установлено, подобные вещи специально изготавливали для погребального ритуала, где их употребляли в качестве нагубников или наглазников. Иногда их делали из золотых пластинок, в зависимости от уровня материального достатка погребенного [140 с. 329, рис. 103₉₁, с. 41 р. 17_{8,9}; 30 с. 105, табл. 1₁₋₃; с. 143, р. 19₄].

Колокольчики. Бронзовые 6 экз. Из них 3 опубликованы. [123, табл. II]. Из трех оставшихся два связаны с позднеэллинистическим слоем, куда они попали в результате разрушения раннеантичного погребения.

295 (табл. LXXV₃₂). Колокольчик, приближающийся к цилиндрической форме с вертикальным отверстием под петельком для подвешивания язычка.

Нам известны многочисленные аналогии как из Абхазии [41, с. 53, рис. 23; 110 с. 70 табл. IV₇₀, табл. XX₂₋₄], так и за ее пределами [61 с. 425, табл. III₆; 3. с. 23, рис. 6]. По надежно датированным комплексам из Красного Маяка, интересующий нас колокольчик относится к кону VI—V вв. до н. э.

296 ЭГ—75—679 (табл. LXXV₃₄). Колокольчики конической формы с поперечным отверстием на тулове для язычка. Два экз. Один из них орнаментирован рельефно выступающими шнурками по краю.

По известным аналогиям из надежно датированных погребений этого же городища следует отнести к III—II вв. до н. э. [123, с. 128—129, табл. II₈, 49, с. 54—55, табл. LXI₁].

297 (табл. LXXXVI₅). Бронзовые плитки с древнегреческими пис

менами. Найдены на нижней площади городища, из помещения разрушенного на рубеже II—I вв. до н. э. По нашей просьбе с этими письменами ознакомился специалист по древнегреческой эпиграфике, научный сотрудник института всеобщей истории, (Москва) кандидат исторических наук Ю. Г. Виноградов. Ниже даем текст письма Ю. Г. Виноградова, посвященный предварительному анализу памятника.

«Бронзовая плита с греческой надписью была найдена разбитая вдребезги. Первоначально плита была архитектурно оформлена, а именно помещена в наиск, исполненном в ионийском стиле. Каждая деталь наиска отливалась отдельно, а потом они припаивались друг к другу. От архитектурного декора дошло несколько деталей: обломок гладкоствольной полуколонны, угловая пальметта капители, фрагмент эхина, украшенного жемчужником, обломок карниза с овами и др.

От самой плиты пока удалось собрать 19 фрагментов с греческими буквами. Все они сильно пострадали от огня: края их оплавлены, некоторые обломки от высокой температуры изогнулись и даже как бы вздулись. Толщина плит колеблется от 0,65 до 1,0 см.

Самый большой фрагмент имеет размеры 5,7 × 6,3 см, остальные гораздо меньше. Высота букв колеблется от 0,5 до 0,8 см. Омикрон и тета — 0,4 см.

Надпись прорезана оригинальной техникой: сначала на концах букв делались углубления сверлом, которые потом соединялись при помощи резца. Круглые буквы наносились по циркулю; полукружия беты и ро исполнены в виде треугольников. Подобная техника хорошо известна в IV в. до н. э. по многочисленным бронзовым табличкам афинских судей. В палеографии полностью отсутствуют элементы эклектизма. Совокупность палеографических признаков, хорошо знакомых по другим греческим эпиграфическим памятникам, указывает на конец IV в. до н. э.

Крайняя фрагментарность надписи мешает высказывать преждевременное окончательное суждение о ее содержании. Пока можно только предположить в осторожной форме, что перед нами какой-то особо важный документ, типа декрета или исторической хроники, в котором шла речь о неких военных событиях. Сохранилось слово $\rho\omega\mu\eta$: в значении «военная сила, войско». В одной строке читается выражение $\lambda\alpha\mu\beta\alpha\nu\omega\upsilon \epsilon\acute{\iota}\varsigma \pi\omicron\lambda\iota\nu$ — «захватив (с собой) в город». Двумя строками ниже читается слово $\beta\alpha\tau\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ в именительном или родительном падеже, означающее здесь, скорее всего, «царство», менее вероятно — «царица».

Изучение надписи станет возможным после обнаружения (вполне вероятного) новых фрагментов и объединения их в связный текст. Сейчас можно с уверенностью утверждать лишь то, что она исполнена греческим мастером на безупечном греческом языке».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИВБ

Итак, выше были рассмотрены некоторые археологические открытия, связанные с одним из исторических уголков Абхазии — селом Эшера. Полевые исследования последнего десятилетия показали, что несмотря на полувековую историю, изучение археологических памятников этого края только начинается. Примечательно, что по своему географическому расположению, вплотную примыкая к территории Сухуми где расположены такие известные памятники, как Красный Маяк, Лечкоп, Гуадиху, Сухумская гора, Замок Баграта и т. д., древности Эшера раскрывают историю и материальную культуру не только собственно одного микрорайона, но отчасти и истории Сухума — одного из древнейших городов Восточного Причерноморья.

Изучение добытого материала убеждает, что общность этих больших памятников объясняется не только географической их близостью, но общностью их материальной и духовной культуры в древности.

Делая краткий обзор памятников Эшера, нельзя не заметить, что здесь проходила жизнь человека еще с эпохи каменного века, включая почти все последующие периоды истории человека. Другое дело, что слои соответствующих периодов не всегда в одинаковой степени сохраняются. Одновременно с этим присутствие в культурных слоях крупных каменных глыб не характерные для данных возвышенностей, дает основание полагать, что в эпоху бронзы здесь функционировали какие-то сооружения, напоминающие строительные камни Эшерских кромлехов [133]. Во всяком случае необычно крупные камни, разбросанные на территории городища и строительные камни местных кромлехов, создают впечатление, что они взяты из одного и того же карьера.

К эпохе процветания колхидско-кобанской культуры, т. е. поздней бронзы и раннего железа относятся такие типичные орудия труда и украшения как бронзовые сечки или сегментовидный предмет (табл. I.VII₁) бляшки полукруглой формы (табл. LXXII₁) разнообразные керамические изделия и т. п., имевшие широкое распространение как в самой Абхазии, так и во всей исторической Колхиде. Следовательно, мнение о том, что на городище не прослеживаются остатки культуры местных племен до греческого периода не обосновано [20, с. 118].

Не позже середины VI в. до н. э. на территории поселения стали пользоваться древнегреческой керамикой. Это, в первую очередь, столовая и тарная посуда, причем ассортимент ее показывает, что эта керамика далеко не парадная, а относится к группе простой повседневной полосатой глиняной посуде.

Присутствие подобной керамики (тем более если идет речь о материалах повседневного быта) мы объясняем не как результат чисто торговых отношений, а привезенными сюда самыми первыми греческими переселенцами. Следовательно, в возникновении Эшерского городища роль эллинского этноса нельзя недооценить.

Другой вопрос, какова численность и занятая им площадь — остается пока неясной. Но независимо от этого, подобный археологический факт с полным основанием говорит о том, что из всех известных нам античных поселений Абхазии самым ранним является Эшерское городище. Тем самым высказанная в свое время точка зрения о том, что Северо-Западная Колхида, в частности население Абхазии интересующего нас времени в силу своей социально-экономической отсталости позже связалось с античными центрами, в отличие от равнинной части Колхиды не соответствует действительности [78 а, с. 374]. И второе — тезис о том, что морской торговый путь шедший вдоль восточного Причерноморья кончался в устье Риони (Фазис), не рисует реальное положение вещей [62, с. 164].

Как показывают материалы городища, морской торговый путь шел значительно севернее чем устье Фазиса, а именно этот путь доходил до района Диоскурии, к пригородному участку которого мы и относим Эшерское городище.

Правда, о ранней поре этого памятника нам приходится говорить, главным образом, по керамическим данным, но начиная с эпохи эллинизма облик города резко меняется: он начинает здесь сплошь застраиваться капитальными зданиями. В качестве строительного материала употребляли камни различной породы (булыжники, известняк, песчаник, иногда мрамор), дерево, хотя о последнем мы судим по оставшимся гнездам от некогда поставленных столбов. Кладка камней суха, но иногда употребляли глину, а в позднеэллинистическое время известковый раствор.

Внутренность комнат отделявали штукатуркой, применяя полихромную краску. Помещения покрывались преимущественно черепицей (солены, калитеры). Среди них абсолютное большинство местные изделия, но встречаются и привозные (засвидетельствованы пока что синопские). Одной из трудных задач, стоявшей перед основателями города было водоснабжение. Действительно, родниковые источники располагавшиеся вокруг городища при всей их близости к памятнику (не более 40—50 м от края), функционирующие по сей день, если и удовлетворяли требованиям населения ранних времен, то с эпохи эллинизма, когда разрослась территория городища и соответственно население, на очередь встал вопрос регулярного водоснабжения. Несмотря на изрезанный рельеф вокруг городища крутыми склонами и оврагами, вопрос водоснабжения был решен путем подведения водопроводных линий к городищу. Источник воды находился на расстоянии около 1 км к северо-западу от городища.

Изучение водопроводной линии памятника показывает, что на городище проходила самая ранняя водопроводная магистраль из известных нам древних водопроводов на Черноморском побережье Кавказа. Интересно еще и то, что одновременно здесь функционировали две водопроводные линии, одна из них рассчитанная, видимо, как запасная. Распространение на всей территории памятника остатков труб дает основание говорить, что водопровод снабжал всех жителей холма. Это открытие позволяет считать, что для жителей данного пункта еще в эллинистическую эпоху был решен такой значительный вопрос городской жизни как водоснабжение, что еще лишний раз дает основание квалифицировать данный населенный пункт как город, находившийся на уровне известных центров эллинистического мира того времени.

Большой интерес представляет система фортификационных сооружений (рвы, башни, куртины). Из всего этого пока что нам удалось выявить наиболее трудно заостренные участки оборонительных соору-

жений, относящихся к эпохе эллинизма, но нужно полагать, что без них не обходились жители поселения еще в более ранние времена. Во всяком случае, само расположение памятника на естественно защищенном холме говорит за себя.

Обитатели территории городища с давних пор занимались керамическим производством, металлообработкой, костерезным делом и т. д.

Остановимся на некоторых из них.

Керамическое производство. Здесь представлены почти все виды глиняных изделий. Среди них большое хозяйственное значение имели пифосы. Традиция их изготовления (яйцевидная форма, елочный узор, обильная примесь песка и толченого известняка), непрерывно прослеживается на протяжении всего первого тысячелетия. Почти полное отсутствие привозных пифосов дает основание полагать, что жители городища всегда пользовались местными изделиями. Позже, с эпохи эллинизма, особенно в III—I вв. до н. э. прослеживается серийный их выпуск и соответственно упрощается способ нанесения узоров и других знаков: это косые кресты, ямочки, елочный узор, выполненный врезным способом, семечковидный орнамент, горизонтальные желобки, валики и т. д. При всех случаях пифосы выполняли хозяйственную функцию.

Иначе обстоит дело с амфорами. В отличие от пифосов, они не имеют местную традицию. Это подтверждается хотя бы по материалам Эшерского городища; в слоях VI — первой половины IV в. до н. э. местные изделия ни разу не были зафиксированы и, наоборот, после IV в. местные амфоры — одна из самых массовых находок. Амфорные материалы изучаемого нами городища привели нас к выводу: производство амфор в Эшере и его окрестностях было начато не позднее второй половины IV в. до н. э., т. е. одновременно началом изготовления амфор античных городах Северного Причерноморья (Пантикапей, Херсонес, Фанагория и др. [36, с. 94 и след.]).

Возможно, что к числу наиболее ранних местных амфор относятся диоскурейские изделия [122]. Одновременно с ними или чуть позже стали выпускать амфоры из коричневой глины, в основе которых лежат образцы синопских амфор. Изготовление местных амфор шло также и по направлению подражания косским амфорам (табл. XXXIV_{7,8}). Местные амфоры имели намечавшийся узкий перехват посредине с заостренным дном. Один из них со штампом (табл. XXXIV₇). Это уже второй случай нахождения клейменных амфор из местной глины (сюда относится и диоскурейское клеймо) на Эшерском городище. Тем самым только один этот памятник показал, что Колхида также как и другие эллинистические города Северного Причерноморья выпускала клейменные амфоры, что должно говорить о массовом экспортировании товара за пределы страны. Как было показано еще со времен раннего эллинизма по крайней мере местами производство амфор монополизировано городом Диоскурией. Поэтому есть основание полагать, что многие «коричневоглиняные» амфоры, встречающиеся на Северном Причерноморье колхидского происхождения, чему не противоречат и другие археологические материалы, встречающиеся в Пантикапее и Нимфее (пифосы, монеты), колхидское происхождение которых не вызывает сомнения [41 а, с. 139—151, 106 а].

Такая же преемственность прослеживается и в развитии горшков. Несколько особняком стоят кувшины. Наряду с обычными традиционными изделиями этой категории глиняной посуды, начиная с эпохи эллинизма стали изготавливать кувшины с крышками. Основным их при-

наком является выемчатый венчик — местоположение крышки. Подобные кувшины не имеют местной традиции: они изготовлены по образцам привозных, в первую очередь синопской продукции и некоторых других неизвестных центров. На основе привозных (синопских) изделий возникли кастрюли, тоже с крышками (табл. XX). Жители города обильно пользовались мисками — разнообразной столовой и кухонной керамикой: миски на кольцевом поддоне или просто без него (табл. XXI—XXIV), оригинальные сосуды с вертикальными ручками (табл. XXIV), сковороды (табл. XXVII), лутерии как местные, так и привозные (табл. XXVIII), чаши с углублением (табл. XXXI) на дне, для рыбных блюд. Исключительно богаты своим разнообразием питьевые сосуды — кубки. Среди них есть как изделия с типично местными традициями (табл. XXXII), но встречаются и формы привозных кубков, хотя те и другие выполнены на месте.

Привлекает внимание большие широкоустные сосуды с крупными вертикальными стенками, очень напоминающие котлы. Они зафиксированы во всех слоях городища. Судя по размерам подобные сосуды были назначены для изготовления пищи (варка мяса и т. д.), рассчитанной для больших столов (возможно, что и для прокармливания солдат гарнизона). Обитатели этого города имели многоотраслевое хозяйство.

Наряду с гончарством, здесь оживленно занимались обработкой металла (топоры, кинжалы, мечи, наконечники копий и стрел и т. д.). Наличие многостержневых стрел, хотя и в небольшом количестве (табл. LXV) допускает, что с различными видами обороны жители города умели оказывать неожиданное, замысловатое техническое сопротивление наступающей коннице. Во всяком случае своеобразные многостержневые стрелы, происходящие из позднеэллинистического слоя, военными специалистами квалифицируются как оружие, направленное против наступления конницы.

Среди оружия наступательного и оборонного значения особый интерес представляют остатки от щитов (табл. LXVI) шлемов, панцирей (табл. XVI₁₋₄), самобытные стрелы (табл. LXV₉₋₅).

Трудно перечислить все те отрасли, которыми занимались жители городища — кузнечное ремесло, животноводство, и т. д. Находки пружинных ножниц (табл. LXIX) говорят, что еще в эллинистическую эпоху здесь уже умели заниматься овцеводством и их стрижкой.

Непосредственно в древнем городе купцы вели оживленные торговые операции. Об этом говорят находки разновесок — свинцовых гирек аттической системы. Об этом же говорят и находки монет в культурных слоях и в погребениях (монеты Синопа, Амиса, Фарнакии). Наибольший процент монет падает на Амис — стольный город понтийского царя Митридата VI. Известно, что Амис того периода — один из крупных городов понтийского царства, в состав которого входила и Северная Колхида, в том числе и Абхазия. Стратифицированный археологический материал показывает, что ныне раскапываемая оборонительная стена городища, возникшая не ранее конца II в. до н. э., связана со строительной деятельностью Понтийского царства. Известно, что царь этого государства, отправляясь в военный поход в Северное Причерноморье в 66—65 гг. до н. э. сделал длительную остановку в Диоскуриаде, в состав которой входило и Эшерское городище [121, с. 23—27; 135, с. 71—73].

На такое решение вряд ли он пошел бы без наличия соответствующего оборонительного укрепления на местах, тем более, что некоторые соседние племена, например, зихи были враждебно настроены по отношению к нему. Если вспомнить слова Страбона о том, что когда

Митридат стал владыкой Колхиды, то там он построил 75 укреплений, где хранил большую часть своих сокровищ (Страбон, XII, III₂₈). Нужно полагать, что к числу этих сооружений и входила Эшерская оборонительная стена, тем более, что среди импортных материалов II—I вв. до н. э. преобладает малоазийская (понтийская) продукция. Об этом говорят медные понтийские монеты, рассчитанные для расквартированных гарнизонов Митридата.

Жители города, так же как и многие античные города, пользовались письмом. Здесь найдены древнегреческие письмена на бронзовых плитках и камнях, а также костяные палочки, напоминающие античный стиль для письма. Безусловно, в строительной деятельности города должны были принимать участие и коренные жители. Абсолютное преобладание во все времена местной глиняной посуды, украшений и т. д. над привозными дает основание полагать, что удельный вес аборигенного населения в городской жизни был значительным.

Достаточно вспомнить, что еще с момента возникновения раннеантичного поселения в этих местах проживали представители местного населения, в том числе и знати. Процветавший город приходит в упадок где-то не позже первой половины I в. до н. э. Материал показывает, что город подвергся усиленному обстрелу каменными ядрами, а также стрелами и дротиками чисто местного облика, что дает основание полагать, что последние принадлежали, видимо, местным племенам, враждебно настроенным по отношению к жителям города. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с одним из эпизодов нашествия зихов или гениохов, о которой с тревогой сообщили Страбон (XVII, III₂₄) и Плиний (VI_{15,16}). Так или иначе не позже первой половины I в. до н. э. высокие стены города толщиной до 2-х метров под ударами лучников рухнули и пожар довершил свое дело. Об этом напоминают мощные следы пожарищ, прослеживаемые вдоль всей оборонительной стены. И, кто знает, быть может к этой седой древности и восходит современное название холма Аблаху, где лежит городище, что по-абхазски означает «холм, подвергшийся пожару».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии, М., 1971.
2. Алексеева Е. М. Раскопки эллинистического дома в Горгииппии, КСИА, 143, М.
3. Анфимов Н. В. Комплексы бронзовых предметов из кургана близ станции Темигбской. Сб. Культура античного мира, М., 1966.
4. Анфимов Н. В. Меото-Сарматский могильник у станции Усть-Лабинской, МИА, 23, — М—1; 1951.
5. Арсеньева Т. Н. Некрополь Танаиса. М., 1977.
6. Белов Г. Д. Западная оборонительная стена Херсонеса и некрополь возле нее, МИА, 34, 1953.
7. Белов Г. Д. Эллинистический дом в Херсонесе, ТГЭ, VII, 1962.
8. Белов Г. Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931/1933 гг. МИА, 4, М—Л., 1941.
9. Бидзиля В. И. Поселение Галыш-Ловачка, Археология, XVIII, Кнв, 1964.
- 9а. Бжания В. В. Тамышское поселение эпохи поздней бронзы. Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967.
10. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных городах Северного Причерноморья, М., 1954.
11. Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953, МИА, 103, М., 1962, с. 27, рис. 18.
12. Блаватский В. Д. История античной расписной керамики, М., 1953.
13. Блаватский В. Д. О производстве «мегарских чаш» на Боспоре, КСИИМК, 75, 1959.
14. Блаватский В. Д. Земледелие в античных городах Северного Причерноморья, М., 1953.
15. Блаватский В. Д., Петерс Б. Г. Подводные археологические работы в районе Евпатории, КСИА, 109, 1967.
16. Блаватский В. Д. Искусство Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1947.
17. Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953, МИА, 103.
17. Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея, в 1952 г., КСИА, вып. 58, 1965.
18. Брашинский И. Б. Заметки о торговле Елизаветинского поселения на Дзеву. КСИА, 145, 1976.
19. Воронов Ю. Н. Разведки в Абхазской АССР. Археологические открытия в СССР 1970 г., М., 1971.
20. Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище, СА, 1972, № 1.
21. Воронов Ю. Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии, ВДИ 3, 1968.
- 21а. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969.
22. Виноградов Ю. Г. Онайко Н. А. Об экономических связях Гераклеи Пон-

тийской и Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время СА, 1, 1975.

23. Горбунова К. С. Краснофигурные килики из раскопок Ольвийского теменища. Сб. Ольвия, М—Л., 1964.

24. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, 85, II. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы, САИ, вып. II—20, М., 1966.

25. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М—Л., 1948.

25а. Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре, МИА, 85, М., 1958.

26. Гайдукевич В. Ф., Илурат, МИА, 85.

27. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, 85.

28. Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов, МИА, 69, М—Л., 1959.

29. Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. Раскопки Северной и западной частей Мирмекия, МИА, 4.

30. Гагошидзе Ю. Х. Памятники раннежелезной эпохи из Ксанского ущелья. Тб., 1964.

31. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, МИА, 36, 1954.

31а. Гунба М. М. Новые памятники Цебельдинской культуры, Тб., 1978.

31а. Гунба М. М. Раскопки в селе Царча Гальского района, АО, 1976, М., 1977.

32. Джапаридзе О. М. Дольменная культура Грузии, ТГУ, 77, Тб., 1959.

33. Дюбуа Фредерик де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937.

34. Зеест И. Б. Керамическая мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. КСИИМК, XXXIII, 1950.

35. Зеест И. Б. Керамическая тора Боспора, МИА, 83, М., 1960.

36. Зеест И. Б. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ 1, 1951.

37. Зеест И. Б. Марченко И. Д. Типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, 103, М., 1962.

38. Замятин С. Н. Палеолит Абхазии, Сухуми, 1937.

39. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935.

40. Иессен А. А. Сухумская экспедиция, СА, 3, 1937.

41. Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953.

41а. Капанадзе Д. Г. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным. Сб. Проблемы истории Сев. Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.

42. Костанаян Е. Г. Археологические разведки на городище Порфений в 1949 г. МИА, 85.

43. Капошина С. И. Некрополь в районе поселка им. Вейкова близ Керчи, МИА, 69 М., 1959.

44. Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, МИА, 50.

45. Кахидзе А. Ю. Города Причерноморья Грузии в античную эпоху. Тб., 1971.

46. Кахидзе А. Ю. Материалы по истории древних городов Восточного Причерноморья, МАГК, IV, Тб., 1965.

47. Книпович Т. Н., Славин Л. М. Раскопки Юго-Западной части Тиритаки, МИА, 4, М—Л., 1940.

48. Книпович Т. Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. Сб. Античные города Северного Причерноморья, I. М., 1956.

- 48а. Книпович Т. Н. Некрополь в Северо-Восточной части Ольвийского городища, СА, VI, 1940.
49. Кигурадзе Н. Ш. Дапнарский могильник, Тб., 1976.
50. Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе. Дапнарское селище и могильник, КСИА, 151, М., 1977.
- 51—52. Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII. МИА, 77, М., 1958.
53. Копейкина Л. В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии. Сб. Художественная культура и археология античного мира, М., 1976.
54. Ковпаненко Л. П. Памятники скифского времени в бассейне р. Ворсклы. Археология, XII КиВ, 1961.
55. Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI—III вв. до н. э. МИА, 56, М., 1957.
56. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора, М., 1975.
57. Коридзе Д. Л. К истории колхидской культуры. Тб., 1965.
58. Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII т., 1940.
- 58а. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, Тб., 1941.
59. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, I, Тб., 1949.
60. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, II, Тб., 1950.
61. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.
62. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Колхида, Тб., 1966.
63. Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды, Тб., 1970.
64. Лордкипанидзе Г. А. О домонетной форме денежного обращения в Колхиде. Нумизматический сборник. Тб., 1947.
65. Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э., Тб., 1978.
66. Лордкипанидзе Г. А. О колхидской весовой системе. Сб. Культура античного мира, М., 1966.
67. Лордкипанидзе Г. А. Оружие и орудия производства. Вани, II, Тб., 1976.
68. Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса. Сб. Ольвия, М—Л., 1964.
69. Лосева И. Б. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре, МИА, 103.
70. Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии, ТОИПКГЭ, I, 1941.
- У 71. Лукин А. Л. Эшерская находка. Тр. АИЯЛИ, XXVII, Сухуми, 1956.
72. Матиашвили Н. Н. Из экономической истории городов Колхиды III—I вв. до н. э., Тб., 1977 г.
73. Матиашвили Н. Н. Местная керамика эллинистической эпохи из Вани МАГК, V, Тб., 1973.
74. Матиашвили Н. Н. Художественная керамика эллинистического времени из Вани. Сб. Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тб., 1968.
75. Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В. Колхский могильник, VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвзиани, КСИА, 1951, М., 1977.
76. Микеладзе Т. К. Исследование по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тб., 1974.
77. Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка, М., 1975.
- 77а. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. САИ Д1—4, М., 1964.
78. Мелюкова А. И. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии, МИА, 96.
78. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тб., 1959.
79. Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М—Л., 1956.

80. Надирадзе Д. Ш. Археологические памятники Квирильского ущелья. Тб., 1975.
81. Николаева Э. Я. Раскопки городища Кепы в 1964 г. КСИА, 109, М., 1967.
82. Онайко Н. А. Античный импорт в Преднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. СА, И, Д—1—27, М., 1973.
83. Окропиридзе Н. И., Барамидзе М. В. Палурское «Садзвле» (Итоги работ 1968 г.), МАГК, VI, Тб., 1974.
84. Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.
- 84а. Пачулиа В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии, Сухуми, 1969.
85. Петровская Е. А. Памятники позднескифского времени на р. Стугне, Археология, XVI, Київ, 1964.
86. Петренко В. Г. Правобережье среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, вып. Д1—А, М., 1967.
87. Петренко В. Г. Украшение Скифии VII—III вв. до н. э. САИ, вып. Д1—А, М., 1978.
88. Пругло В. И. Позднееллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов. Сб. Культура античного мира. М., 1966.
89. Путуридзе Р. В. Колхидские амфоры эллинистического и позднеантичного времени. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР. Тб., 1971.
- 89а. Путуридзе Р. Колхидские амфоры из Вани, КСИА, 151, М., 1977.
90. Цузикова А. И. Поселение Среднего Дона. Сб. Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969.
91. Погребова Н. И. Погребение в мавзолее Неаполя скифского, МИА, 96, М., 1961.
92. Силантьева А. Ф. Некрополь Нимфея, МИА, 69, М—Л., 1959.
93. Сидоренко А. А. Скифский курган на реке Удай, Археология, XVI, Київ, 1964.
94. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, М., МИА; 101.
95. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
96. Сизов В. И. Восточное Побережье Черного моря. Археологические экскурсии., вып. II, М., 1889.
- 97—98. Сидорова Н. А. Архаическая керамика из Пантикапея, МИА, 103.
99. Соловьев Я. Н. Погребение дольменной культуры Абхазии и прилегающей части Адлерского района, Тр. АИЯЛИ, XXXI, Сухуми, 1960.
100. Сосновский Г. П. Плиточные могилы. Забайкалья, ТОИПКГЭ, I, Л., 1941.
101. Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
102. Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья, САИ, Г1—17; М., 1969.
- 102а. Сокольский Н. И. Боспорские мечи, МИА, 33, М., 1954.
103. Сокольский Н. И. Крепость на поселении Батарейка II ч. КСАИ, 109, М., 1967.
104. Соловьев Л. Н. Диоскурия — Севастополис-Цхум, Тр. АГМ, Сухуми, 1948.
- 104а. Соловьев Л. Н. Погребения дольменной культуры Абхазии и прилегающей части Адлерского района, Тр. АИЯЛИ, XXXI, Сухуми, 1960.
105. Страбон. География. М., 1964.
106. Толордава В. А. Погребение с черепичным перекрытием из Даблагоми, КСИА, 1951, М., 1977.
- 106а. Скуднова В. М. Находка колхидских монет и пифосов в Нимфее. ВДИ, 1952. № 2.
107. Трубникова Н. В. К вопросу о назначении «кобанских сечек», КСИИМК, XVIII, 1947.

108. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М., 1953.
109. Трапш М. М. Труды, 1, Сухуми, 1970.
110. Трапш М. М. Труды, 2, Сухуми, 1969.
111. Трапш М. М. Труды, 3, Сухуми, 1971.
112. Трапш М. М. Труды, 4, Сухуми, 1975.
113. Уварова П. С. Путевые заметки, ч. II, М., 1891.
114. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. М., 1977.
115. Хачатурян Ж. Д. Античный некрополь. Гарни V, Ереван, 1976.
116. Хачатурян Ж. Д. Новооткрытые погребения в Армении III—I вв. до н. э. Тб., 1971.
117. Хоштария Н. В. Об одном бронзовом орудии из Колхиды. КСИМК, XXXVI, 1951.
- 117а. Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962.
- ✓ 118. Цвинария И. И. Находки в селе Нижняя Эшера. Археологические открытия 1970 г. М., 1971.
119. Читая Г. С. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. Вестник АН СССР, т. II, № 3. Тб., 1941.
120. Черненко Е. В. Кожаные панциры скифского времени. Археология, XVII, Киев, 1964.
- ✓ 121. Шамба Г. К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище. КСИА, 1951, М., 1947.
122. Шамба Г. К. Амфорные клейма Диоскурии. Известия АИЯЛИ, V, Тб., 1976.
- ✓ 123. Шамба Г. К. Материалы могильника эллинистической эпохи из эшерского городища (по раскопкам 1972 г.). Известия, АИЯЛИ, VI, Тб., 1977.
- ✓ 124. Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера. Известия, АИЯЛИ, I, Тб., 1972.
- ✓ 125—126. Шамба Г. К. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района. Известия АИЯЛИ, II, Сухуми, 1973.
- ✓ 127. Шамба Г. К. О «мегарских» чашах Эшерского городища. Известия АИЯЛИ, IV, Сухуми, 1975.
- ✓ 128. Шамба Г. К. К вопросу интерпретации эшерских кромлехов. XIX научная сессия Абхазского института. Сухуми, 1971.
129. Шамба Г. К. К вопросу об эшерских кромлехах. Тезисы докладов Всесоюзной сессии 1971, Тб., 1971.
- ✓ 130. Шамба Г. К. Об эшерском античном городище. Материалы научной сессии Абхазского института ЯЛИ им. Гулиа АН Груз. ССР, Сухуми, 1969.
- ✓ 131. Шамба Г. К. Раскопки кромлехов в селе Эшера, близ Сухуми АО, 1969 г. М., 1970.
132. Шамба Г. К. (в соавторстве). Археологические исследования в Абхазии. Археологические открытия, 1970 г. М., 1971.
133. Эшерские кромлехи, Сухуми, 1974.
134. Шамба Г. К. (в соавторстве). Археологические исследования в Абхазии, Археологические открытия 1973 г. М., 1974.
135. Шамба Г. К. Эшерское городище и некоторые вопросы истории Диоскурии. Тезисы докладов XIV Международной конференции античников, Ереван, 1976.
136. Шамба Г. К. О раскопках в 1974 г. на Эшерском городище. ПАИ 74 г. Тб., 1976.
- 136а. Шелов Д. Б. Находки в Танансе «мегарских чаш». Сб. Античные древности Подонья-Приазовья, М., 1969.
- 136б. Шелов Д. Б. Тананс и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.
137. Шмидт Р. В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Таритаки, МИА, 25.

138. Шурга я И. Г. Раскопки центрального района Илурата, КСИА, 143.
- 138а. Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелонобудинская проблема. СА, 1975.
139. Аполония, София, 1963.
140. Археология Украинської РСР, Київ, 1971.
141. Всеобщая история архитектуры, II, М., 1973.
142. Вани I, Тб., 1972.
143. Вани II, Тб., 1976.
144. Вани III, Тб., 1977.
145. Очерки истории Абхазской АССР, Сухуми, 1960.
146. Памятники культуры Абхазской АССР, Сухуми, 1961.
147. Эллинистическая техника, М—Л., 1948.
148. Ivascenko M. M., Beitrage zur Vorgeschichte Abschasiens, ESA, VII, Helsin'ki, 1932.
149. O'linthus VIII, Boltimora, 1948.
150. La Ceramique Grecque, Paris, 1960.
151. F, Caurby, Les vases grecs a reliefs, Paris, 1922.
152. Histria, I, Buc. 1954; II, Buc. 1962.
153. D. Robinson. Excavations at Olinthus, Part XIII, 1950, Baltimore.
154. THE ATHEANIAN AGORA, walume XVII, part 1,2 BLACK and-Plain potteri Pzinston, 1970.
155. Zo fia sztetyllo, Mirmeki, III, Warszawa, 1970.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия.
 Известия АИЯЛИ — Известия Абхазского института языка, литературы и истории.
 КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.
 КСИА — Краткие сообщения института археологии.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа.
 ПАИ — Полевые археологические исследования Грузии.
 СА — Советская археология.
 САИ — Свод археологических исследований.
 ТГУ — Труды Тбилисского государственного университета.
 Тр. АИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории.